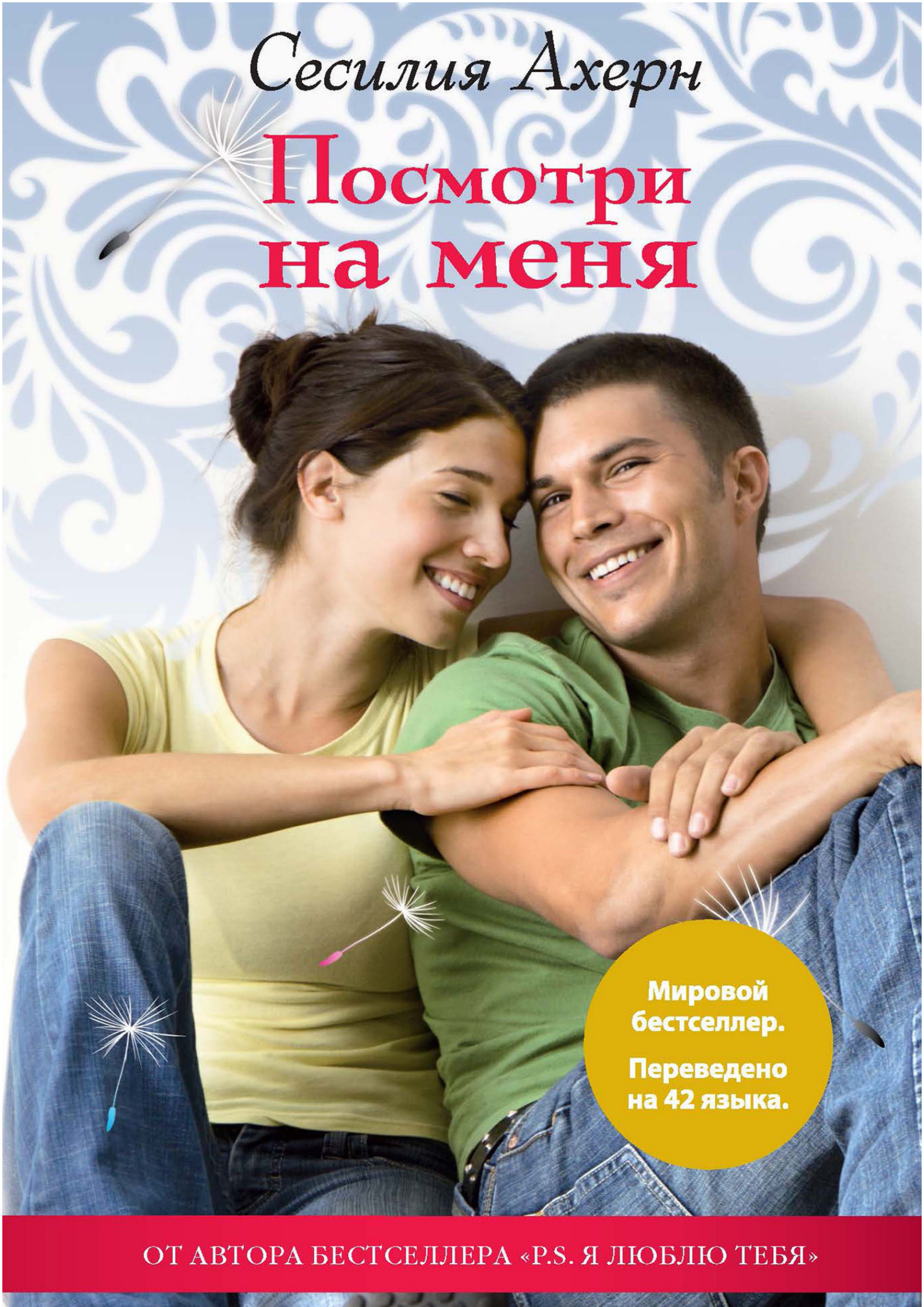

Сесилия Ахерн

Посмотри на меня

Мировой
бестселлер.

Переведено
на 42 языка.

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА «P.S. Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ»

Сесилия Ахерн

Посмотри на меня

«Азбука-Аттикус»

2005

УДК 821.111-3Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

Ахерн С.

Посмотри на меня / С. Ахерн — «Азбука-Аттикус», 2005

ISBN 978-5-389-04236-0

«Посмотри на меня» – третий по счету супербестселлер блистательной Сесилии Ахерн, покоровшей своими романами почти пятьдесят стран. Элизабет, молодой дизайнер, чье время расписано по минутам, раз и навсегда запретила себе мечтать. Обремененная заботами об отце, младшей сестре и ее ребенке, она несколько лет назад вынуждена была расстаться с любимым и знает по опыту, сколь опасны несбыточные надежды. Однако и в ее жизни вдруг начинают происходить чудеса. У нее в доме, как бы случайно, появляется таинственный незнакомец, красивый, обаятельный, бесшабашный, и Элизабет рядом с ним постепенно оттаивает. Но она ничего не знает о нем. Их любовь, возникшая на пересечении двух миров – реального и сверхъестественного, похожа на романтическую сказку. За юмор и смелость фантазии роман получил премию журнала «Cosmopolitan U.S.».

УДК 821.111-3Ахерн
ББК 84(4Ирл)-44

ISBN 978-5-389-04236-0

© Ахерн С., 2005
© Азбука-Аттикус, 2005

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	11
Глава третья	18
Глава четвертая	25
Глава пятая	30
Глава шестая	32
Глава седьмая	38
Глава восьмая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сесилия Ахерн

Посмотри на меня

Cecelia Ahern

If You Could See Me Now

Copyright © 2005 by Cecelia Ahern

Originally published in UK by HarperCollins, 2005

© Бабичева М., перевод на русский язык, 2008

© Черемных Н., оформление обложки, 2010

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство Иностранка®

Книги Сесилии Ахерн – супербестселлеры, переведенные на полсотни языков. Дебютная книга «P.S. Я люблю тебя» принесла Сесилии мировую славу и легла в основу знаменитого фильма.

Джорджине, которая верит...

Бесконечные благодарности моей семье – Мимми, папе, Джорджине и Ники – за все, я бы не смогла уточнить, за что именно, даже если б захотела. Дэвиду, который варит самый лучший в мире кофе, за то, что заглядывал ко мне каждые несколько часов и так страстно верил в эту книгу. Огромное спасибо Марианне за бесценную поддержку, булочки, чай и советы, а также спасибо Пэт и Вики из сами-знаете-какого агентства за заботу сами-знаете-о-чем.

Спасибо Линн, Максайн и всему издательству «Харпер Коллинз» за вашу веру в меня и за вашу нелегкую работу.

Спасибо моим читателям, старым и новым. Надеюсь, книжка доставит вам такую же радость, как мне, когда я ее писала, работа над ней была абсолютным наслаждением.

Самое главное спасибо – Айвену, за то что составлял мне компанию в кабинете до глубокой ночи. Думаешь, они когда-нибудь поверят в нашу историю?

Глава первая

Когда я познакомился с Люком и стал его лучшим другом, был июнь, утро пятницы. Если совсем точно, девять пятнадцать утра, – я знаю, потому что как раз посмотрел на часы. Не понимаю, зачем я это сделал, ведь мне не нужно было никуда спешить к определенному времени. Но я верю, что на все есть свои причины, и, возможно, я посмотрел на часы именно для того, чтобы должным образом рассказать вам свою историю. Ведь в рассказе важны детали, не так ли?

Я обрадовался встрече с Люком, мне же все-таки было немного грустно оттого, что пришлось покинуть своего предыдущего лучшего друга Барри. Он перестал меня видеть. Но это на самом деле не так уж важно, потому что теперь он счастлив, что, на мой взгляд, главное. Покидать лучших друзей – часть моей работы. Не очень приятная, но я верю, что во всем можно найти положительные стороны: например, если бы я не покидал своих лучших друзей, то не мог бы заводить новых. А заводить новых мне нравится больше всего. Наверное, поэтому мне и предложили эту работу.

Мы еще вернемся к тому, в чем состоит моя работа, но сначала я хочу рассказать вам о том утре, когда познакомился со своим лучшим другом Люком.

Я закрыл за собой калитку сада перед домом Барри и решил пройтись. Без всякой причины я повернул на углу налево, потом направо, потом налево, немного прошел прямо, опять повернул направо и оказался рядом с очаровательной улочкой под названием улица Фуксий. Должно быть, ее так называли из-за того, что фуксии росли здесь повсюду. Простите, когда я говорю «здесь», я имею в виду город под названием Бале-на-Гриде, что значит «Город сердец», в графстве Керри. Это в Ирландии.

Я был рад снова оказаться здесь, где выполнил несколько заданий, когда еще только начал работать, и куда долгие годы не возвращался. Я ведь езжу по всей стране, иногда даже за границу, если друзья берут меня с собой на каникулы, – лишнее доказательство того, что, где бы ты ни был, тебе всегда нужен лучший друг.

На улице Фуксий стояло двенадцать совершенно не похожих друг на друга домов, по шесть с каждой стороны. Жизнь тут была ключом. Было утро пятницы, помните, и к тому же июнь, солнце светило ярко, и все пребывали в отличном настроении. Ну, *не совсем* все.

Здесь было полно детей. Мальчики и девочки катались на велосипедах, бегали друг за другом, играли в классики, в прятки и в другие игры. Повсюду слышались их веселые крики и смех. Думаю, они радовались каникулам. Но, хотя они и казались мне очень милыми, меня к ним совсем не тянуло. Видите ли, я не могу подружиться с кем угодно. Моя работа заключается не в этом.

Какой-то человек стриг траву перед домом, а женщина в больших грязных перчатках занималась клумбой. Чудесно пахло свежесрезанной травой, а производимые садовыми инструментами звуки музыкой разливались в воздухе. В другом саду мужчина, насвистывая незнакомую мне мелодию, направил садовый шланг на машину и наблюдал, как с нее стекает мыльная пена и открывается сияющая поверхность. Время от времени он резко оборачивался и брызгал водой в двух маленьких девочек, одетых в желто-черные полосатые купальники. Девочки напоминали больших шмелей. Мне очень понравилось, как они хихикали.

На подъездной дорожке следующего дома мальчик с девочкой играли в классики. Я понаблюдал за ними какое-то время, но они не обратили на меня внимания, и я пошел дальше. В каждом саду были дети, но, когда я проходил мимо, никто не замечал меня и не звал играть. Они носились на велосипедах и скейтбордах, гоняли машины с дистанционным управлением, совершенно на меня не реагируя. Я уже начал думать, что визит на улицу Фуксий был ошибкой, это меня смутило, потому что обычно я очень хорошо выбираю места, да и детей тут полно.

Я присел на садовую ограду последнего дома и начал думать, на каком углу я неправильно повернул.

Через несколько минут я пришел к выводу, что все же нахожусь там, где нужно. Мне очень редко доводится свернуть не туда. Я осмотрелся. В саду за моей спиной ничего не происходило, так что оставалось просто сидеть и изучать дом. Два этажа и гараж, рядом припаркована сверкающая на солнце дорогая машина. На ограде висела дощечка с надписью «Дом фуксий», по стене, цепляясь за коричневые кирпичи над входной дверью, вилась цветущая фуксия, доходя до самой крыши. Это было красиво. Какие-то части фасада были из коричневого кирпича, другие выкрашены в золотисто-медовый цвет, некоторые окна квадратные, некоторые круглые. Очень необычно. Дверь розовая, с длинными окошками из матированного стекла, с большой медной ручкой и, чуть ниже, щелью почтового ящика, – вместе это выглядело как два глаза, нос и улыбающийся мне рот. На всякий случай я помахал рукой и улыбнулся в ответ. Ведь в наши дни ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным.

И именно тогда, когда я изучал выражение лица входной двери, ее открыл, а потом сердито захлопнул выбежавший на улицу мальчик. В руках он держал две машинки: в правой – красную пожарную, а в левой – полицейскую. Я люблю красные пожарные машины, они мои самые любимые. Мальчик спрыгнул с верхней ступеньки крыльца и побежал к газону, где упал на колени. Низ его черных спортивных штанов был весь в пятнах от травы, что меня насмешило. Пятна от травы такие смешные, потому что их нельзя отстирать. С моим предыдущим другом Барри мы все время ползали по траве. Как бы то ни было, мальчик начал бить пожарной машиной по полицейской, издавая разные звуки. У него это хорошо получалось. Мы с Барри тоже часто так делали. Весело делать что-то такое, чего в реальной жизни не бывает.

Мальчик с силой ударил полицейской машиной по пожарной, и главный пожарный, который держался за лестницу, соскользнул вниз. Я громко рассмеялся, и мальчик поднял глаза.

Он действительно посмотрел на меня. Прямо мне в глаза.

– Привет, – сказал я, нервно откашливаясь и болтая ногами. На мне были мои любимые синие конверсы, и на их белых резиновых носках все еще оставались пятна от травы с тех пор, как мы играли с Барри. Я решил их срочно почистить и стал тереть носком о кирпичи ограды, размышляя о том, что сказать дальше. Хотя заводить друзей – мое самое любимое занятие, я все равно каждый раз слегка волнуюсь. Боюсь не понравиться. От одной этой мысли у меня начинает урчать в животе. До сих пор мне везло, но было бы глупо полагать, что так будет всегда.

– Привет, – ответил мальчик, закрепляя пожарного на лестнице.

– Как тебя зовут? – спросил я, продолжая тереть конверсы об ограду. Пятна все никак не сходили.

Мальчик некоторое время изучал меня, оглядывая снизу вверх, как будто прикидывал, стоит называть свое имя или нет. Эти моменты в своей работе я ненавижу. Тяжело хотеть с кем-то подружиться, когда с тобой дружить не хотят. Такое случается. Правда, потом все улаживается, потому что на самом деле они хотят, чтобы я был с ними, хотя не всегда это понимают.

У мальчика были очень светлые волосы и большие голубые глаза. Его лицо казалось мне знакомым, но я не мог вспомнить, где я его видел.

В конце концов он сказал:

– Люк. А тебя?

Я засунул руки поглубже в карманы и сосредоточился на ударах правой ногой по садовой ограде. Кирпичи крошились, и отколовшиеся кусочки падали на землю. Не глядя на него, я сказал:

– Айвен.

– Привет, Айвен. – Он улыбнулся. У него не было передних зубов.

– Привет, Люк. – Я улыбнулся в ответ.

У меня все зубы были на месте.

– Мне нравится твоя пожарная машина. У моего лучш... моего предыдущего лучшего друга Барри была такая же, и мы все время с ней играли. Но у нее все-таки глупое название, ведь она не может проехать через огонь, потому что начинает плавиться, – объяснил я, по-прежнему держа руки в карманах, из-за чего плечи у меня доставали до ушей. В результате я почти ничего не слышал, поэтому решил вытащить руки, чтобы не упустить ничего из того, что ответит Люк.

Люк покатился по траве от хохота.

– Ты засунул свою пожарную машину в огонь? – взвизгнул он.

– Ну, она же называется «пожарная машина», не так ли? Куда же ее еще совать?

Люк перевернулся на спину, задрал ноги и закричал:

– Нет, дурачок! Пожарные машины нужны для того, чтобы тушить пожар! Они должны заливать его водой.

Я поразмыслял над этим какое-то время.

– Хм! Тогда они должны по-другому называться, Люк, – сухо сказал я. – Водяными машинами.

Люк ударил себя по голове, воскликнул:

– Ну да, конечно! – и залился смехом.

Я тоже засмеялся. Люк был очень забавным.

– Ты не хочешь слезть со стены и поиграть со мной? – Он вопросительно поднял брови.

Я ухмыльнулся:

– Конечно, Люк. Играть – мое самое любимое занятие. – И, перемахнув через ограду, я присоединился к нему на траве.

– Сколько тебе лет? – Он взглянул на меня с подозрением. – Ты выглядишь, как будто тебе столько же лет, сколько моей тете. – Он нахмурился. – А тетя не любит играть с пожарной машиной.

Я пожал плечами:

– Ну, тогда твоя тетя – скучный старый йынчукс.

– Йынчукс! – радостно вскричал Люк. – Что такое «йынчукс»?

– Тот, кто скучный, – ответил я, морща нос и произнося это слово так, словно речь шла о болезни. Мне нравилось произносить слова задом наперед, как будто я изобретал свой собственный язык.

– Скучный, – повторил за мной Люк и тоже наморщил нос. – Фу-у-у!

– А тебе самому сколько лет? – спросил я Люка, врезавшись полицейской машиной в пожарную. Пожарный опять упал с лестницы. – Ты, между прочим, выглядишь как *моя* тетя, – заявил я, и Люк тут же снова упал на землю от хохота. Смеялся он очень громко.

– Мне всего лишь шесть, Айвен! И я не *девочка*!

– Ой! – На самом деле у меня нет тети, и я сказал это только затем, чтобы его рассмешить. – Про шесть лет нельзя говорить «всего лишь».

И как раз когда я хотел спросить, какой у него любимый мультик, входная дверь распахнулась и послышались крики. Люк побелел, и я поднял глаза, чтобы увидеть, на что он смотрит.

– Сирша, отдай ключи! – раздался из дома отчаянный крик. На крыльцо выбежала явно нетрезвая женщина с красным лицом, безумными глазами и длинными грязными рыжими волосами. Из глубины дома снова раздался крик, отчего рыжая споткнулась на своих платформах на верхней ступеньке. Громко выругавшись, она оперлась о стену, чтобы не свалиться с крыльца, затем посмотрела в тот конец сада, где сидели мы с Люком. Ее губы расплылись в улыбке, обнажив кривые желтые зубы. Я отполз немного назад и заметил, что Люк сделал то же самое. Она показала Люку два поднятых вверх больших пальца и прохрипела:

– До встречи, малыш!

Оторвавшись от стены и немного пошатываясь, она быстро пошла к припаркованной на подъездной дорожке машине.

– Сирша! – Кто-то в доме снова закричал. – Если ты только дотронешься до машины, я вызову полицию!

Рыжая фыркнула, нажала на брелок с ключами, фары мигнули, и раздался сигнал. Она открыла дверцу, забралась на сиденье, ударившись при этом головой, громко выругалась и с силой захлопнула дверь. Со своего места я услышал щелчок – она заперла машину изнутри. Дети на дороге перестали играть и наблюдали за разыгравшейся сценой.

В этот момент из дверей с телефоном в руке выбежала другая женщина. Она сильно отличалась от первой. Волосы были аккуратно уложены и стянуты на затылке. Модный брючный костюм серого цвета никак не вязался с раздававшимся из дома гневным, взволнованным голосом. Ее лицо тоже было красным, она задыхалась. Ее грудь быстро вздымалась, пока она бежала к машине на высоченных каблуках. Она подергала сначала одну дверцу, потом другую, пока не обнаружила, что машина заперта.

– Я звоню в полицию, – предупредила она, размахивая телефоном перед окном со стороны водителя.

Сирша ухмыльнулась и завела мотор. Женщина с телефоном срывающимся голосом умоляла ее выйти из машины. Она топала ногами и выглядела так, словно из нее вот-вот вырвется жуткий монстр, как в «Невероятном Халке».

Сирша изо всей силы нажала на газ. Однако на середине подъездной дорожки она все-таки сбросила скорость. Женщина с телефоном облегченно вздохнула. Машина, правда, не остановилась, зато опустилось стекло и показались два пальца в форме буквы V, гордо поднятые вверх, чтобы все видели.

– Ну вот, она вернется через две минуты, – сказал я Люку, который странно на меня посмотрел.

Женщина с телефоном в испуге наблюдала, как, выехав на дорогу, автомобиль резко рванул вперед, чуть не задавив ребенка. Из ее тугого пучка выбилось несколько прядей, они развевались на ветру, словно тоже хотели задержать машину.

Люк опустил голову и тихо поставил пожарного обратно на лестницу. Женщина послала вслед беглянке проклятие, махнула рукой и повернулась на каблуках. Раздался треск – каблук застрял между булыжниками. Женщина яростно затрясла ногой, ее раздражение нарастало с каждой секундой. В конце концов туфля вылетела из западни, но каблук так и остался в трещине между камнями.

– Чеееерт! – взвыла она.

Припадая на одну ногу, она кое-как доковыляла до крыльца. Розовая дверь захлопнулась, и дом поглотил ее. Окна, дверная ручка и щель почтового ящика снова улыбнулись мне, и я улыбнулся им в ответ.

– Кому ты улыбаешься? – спросил Люк, насупившись.

– Двери, – сказал я, полагая, что это очевидно.

Он уставился на меня, сдвинув брови. Похоже, мысли о происшедшем мешали ему сосредоточиться на том, почему и зачем можно улыбаться двери.

Сквозь стеклянные вставки этой самой двери было видно, как женщина с телефоном расхаживает по холлу.

– Кто она? – спросил я, поворачиваясь к Люку.

Он выглядел потрясенным.

– Моя тетя. – Он почти шептал. – Она заботится обо мне.

– А, – сказал я. – А та, что в автомобиле?

Люк медленно повез пожарную машину сквозь траву.

– А, эта... Это Сирша, – сказал он тихо. – Моя мама.

– О!

Повисло молчание, и я заметил, что ему грустно.

– Сииниир-ша, – протянул я с удовольствием: у меня изо рта как будто подул ветер, а еще это было похоже на то, как шелестят деревья, когда они переговариваются друг с другом в ветреные дни. – Сииниинииниир-шаааа... – Тут я поймал на себе странный взгляд Люка и замолчал.

Я сорвал люттик и подержал его у Люка под подбородком. На бледной коже появилось желтое пятно.

– Значит, ты любишь масло, – установил я. – Так, значит, Сирша не твоя девушка?

Лицо Люка тотчас оживилось, и он захихикал. Правда, не так громко, как раньше.

– Кто этот твой друг Барри, о котором ты говорил? – спросил Люк, врезаясь в мою машину гораздо сильнее, чем раньше.

– Его зовут Барри Макдональд, – улыбнулся я, вспоминая игры, в которые мы с Барри обычно играли.

У Люка загорелись глаза:

– Барри Макдональд учится со мной в одном классе!

И тут до меня дошло.

– Я же знал, что твое лицо мне почему-то знакомо, Люк. Я тебя видел каждый день, когда ходил в школу с Барри.

– Ты ходил в школу с Барри? – удивленно спросил он.

– Ага, в школе с Барри было весело, – засмеялся я.

Люк опустил глаза:

– Но я тебя там не видел.

Я рассмеялся:

– Ну конечно ты меня *не видел*, глупыш, – сказал я как ни в чем не бывало.

Глава вторая

Сердце Элизабет громко стучало, когда, сменив туфли, она шагала взад и вперед по длинному, выложенному мрамором холлу. Прижав плечом телефонную трубку, она слушала бесконечные гудки, мысли у нее путались.

На миг остановившись, Элизабет заметила свое отражение в зеркале. Карие глаза были широко распахнуты от ужаса. Она редко позволяла себе такую неряшливость. Такое *отсутствие самоконтроля*. Волосы, выбившиеся из французского пучка, растрепались и торчали во все стороны, как у человека, сунувшего пальцы в электрическую розетку. Тушь на ресницах размазалась, помады на губах не осталось – только контур от карандаша сливового оттенка, а тональный крем лежал какими-то жалкими пятнами. Исчез ее привычный ухоженный вид. От этой мысли сердце у нее забилося еще чаще, а паника усилилась.

«Дыши, Элизабет, дыши», – сказала она себе. Дрожащей рукой пригладила выбившиеся волосы, посплюнвив палец, стерла тушь под глазами, плотно сжала губы, одернула пиджак и откашлялась. Она просто на миг потеряла самообладание, вот и все. Больше это не повторится. Она переложила телефон к другому уху. Оказывается, она прижимала трубку плечом с такой силой, что на шее остался отпечаток сережки.

Наконец ей ответили, и она повернулась спиной к зеркалу, чтобы не отвлекаться.

– Полицейский участок Бале-на-Гриде.

Элизабет узнала голос на том конце провода.

– Привет, Мэри, это Элизабет... опять. Сирша взяла машину и уехала, – она помедлила, – опять.

В трубке раздался слабый вздох.

– Как давно это произошло?

Элизабет присела на нижнюю ступеньку лестницы и приготовилась к обычной череде вопросов. Она на секунду прикрыла глаза, чтобы дать им чуть-чуть отдохнуть, но, почувствовав облегчение оттого, что все вокруг отступило, не стала открывать их снова.

– Пять минут назад.

– Понятно. Она сказала, куда направляется?

– На луну, – коротко ответила Элизабет.

– Что? – переспросила Мэри.

– Ты правильно услышала, она сказала, что отправляется на луну, – твердо произнесла Элизабет. – Видимо, там ее смогут понять.

– На луну, – повторила Мэри.

– Да, – раздраженно ответила Элизабет. – Наверное, для начала стоит поискать ее на автостраде. Думаю, на луну другим путем не добраться. Правда, не знаю, где именно она свернет. Скорее всего, она движется на северо-восток в Дублин, или, кто знает, может, она уже на пути в Корк. Видимо, у них там есть летательный аппарат, который заберет ее с нашей планеты. В любом случае я бы проверила авто...

– Элизабет, успокойся, ты же знаешь, что я не могу не задать эти вопросы.

– Знаю. – Элизабет снова попыталась взять себя в руки. В эту минуту она должна была присутствовать на важной встрече. Важной для нее, важной для ее фирмы по дизайну интерьеров.

Постоянную няню Люка, Эдит, сейчас заменяла приходящая. Эдит несколько недель назад уехала на три месяца путешествовать – она грозилась это сделать уже шесть лет – и оставила вместо себя молодую девушку, совершенно не подготовленную к выходкам Сирши. Девушка в панике позвонила Элизабет на работу... опять, и Элизабет пришлось бросить все... опять и примчаться домой... опять. Однако не стоит удивляться, что это произошло... опять.

Напротив, ее удивляло, что Эдит, если не считать нынешней поездки в Австралию, продолжала все эти годы каждый день приходить на работу. Шесть лет, что она помогала Элизабет растить Люка, были сплошной нервотрепкой, и Элизабет постоянно ждала звонка или письменного заявления об уходе. Быть няней Люка непросто. Как и его приемной матерью.

– Элизабет, ты тут?

– Да. – Она открыла глаза. – Прости, что ты сказала?

– Я спросила, на какой машине она уехала.

Элизабет состроила страшную гримасу телефонной трубке.

– Да все на той же, Мэри, все на той же чертовой машине, будь она неладна! На той же, что на прошлой неделе, и на позапрошлой, и на позапозапрошлой.

– Марка машины, – не сдавалась Мэри.

– «БМВ», – оборвала ее Элизабет. – Тот же проклятый черный «БМВ-330» с откидным верхом. Четыре колеса, две двери, один руль, два зеркала, фары и...

– Капот и багажник, – перебила ее Мэри. – В каком она была состоянии?

– Сияла, я только что ее вымыла, – дерзко ответила Элизабет.

– Это замечательно, а в каком состоянии была Сирша?

– В обычном.

– В состоянии опьянения?

– Именно в нем. – Элизабет встала и пошла на кухню. Стук каблуков по мраморному полу эхом отдавался в доме. Все лежало на своих местах. Ловушка для света – вот что такое ее кухня. От проникавшего через стекло оранжереи солнца было жарко. Элизабет даже зажмурилась. Идеально чистая кухня сверкала, черные гранитные поверхности искрились, хромированные краны блестели. Царство нержавеющей стали и орехового дерева. Она сразу направилась к своей спасительнице – кофеварке. Ее измученный организм остро нуждался во вливании жизненных сил. Элизабет открыла кухонный шкаф и достала маленькую кофейную чашку бежевого цвета. Прежде чем закрыть дверцу шкафа, она повернула одну из стоявших там чашек так, чтобы ее ручка оказалась с правой стороны, как у всех остальных. Выдвинув большой стальной ящик со столовыми приборами и заметив, что нож лежит в отделении для вилок, переложила его на нужное место, достала ложку и задвинула ящик обратно.

Уголкем глаза Элизабет увидела небрежно переброшенное через ручку плиты полотенце. Она отнесла его в подсобку, достала чистое из аккуратной стопки в шкафу, сложила ровно пополам и повесила на ручку. У всего должно быть свое место.

– Я не меняла номерные знаки с прошлой недели, так что да, они те же самые, – устало ответила Элизабет на еще один бессмысленный вопрос. Чтобы не повредить стеклянную поверхность стола, она поставила дымящуюся чашку на мраморную подставку. Отряхнув брюки и сняв пылинку с пиджака, она села в оранжерею и посмотрела на свой большой сад и простирающиеся за ним зеленые холмы, которым, казалось, не было конца. Сорок оттенков зеленого, золотого и коричневого.

Она вдохнула аромат горячего эспresso, и силы сразу же вернулись к ней. Она представила себе свою сестру, мчащуюся по холмам в ее машине с откинутым верхом: руки подняты, глаза закрыты, ярко-рыжие волосы развеваются на ветру, она чувствует себя свободной. Сирша по-ирландски значит «свобода». Имя было выбрано матерью в последней отчаянной попытке сделать так, чтобы материнские обязанности, которые она презирала, казались ей меньшим наказанием. Она хотела, чтобы вторая дочь освободила ее от оков брака, материнства, ответственности... действительности.

Мать встретила ее отца в шестнадцать лет. Она проезжала через город с группой поэтов, музыкантов и мечтателей и разговорилась в местном пабе с фермером Бренданом Эганом. Старше ее на двадцать лет, он был очарован ее странными диковатыми манерами и беззаботным характером. Ей это польстило. И они поженились. В восемнадцать лет у нее родился пер-

вый ребенок, Элизабет. Как выяснилось, мать нельзя было приручить, ее все больше и больше раздражало заточение в сонном, затерянном в горах городке, через который она когда-то намеревалась всего лишь проехать. Плачущий ребенок и бессонные ночи вызывали у нее тоску, она все глубже погружалась в себя, в мысли о свободе. В конце концов мечты и реальность перепутались в ее голове, и мать стала пропадать на несколько дней. Она отправлялась странствовать и открывать новые места и других людей.

В двенадцать лет Элизабет уже сама заботилась о себе и о молчаливом, погруженном в раздумья отце и не спрашивала, когда мать вернется домой, потому что знала, что рано или поздно та вернется обязательно – с пылающими щеками, сияющими глазами – и, задыхаясь, станет рассказывать о большом мире и о том, что в нем бывает. Она врывалась время от времени в их тихое существование, как свежий летний ветерок, принося с собой оживление и надежду. Обстановка в их одноэтажном фермерском доме всегда менялась с ее возвращением, словно стены впитывали ее энтузиазм. Элизабет сидела на кровати матери, слушала ее истории, и голова кружилась от удовольствия. Такая атмосфера держалась недолго, всего лишь несколько дней, пока матери не надоело рассказывать истории и она не отправлялась на поиски новых.

Она часто привозила странные вещи на память о своих путешествиях – ракушки, камни, листья. Элизабет помнила вазу с длинной сочной травой, стоявшую посередине обеденного стола, как будто это было самым экзотическим растением на свете. Когда Элизабет спросила, на каком поле мать нарвала эту траву, та просто подмигнула ей и нажала на кончик носа, обещая, что когда-нибудь она вырастет и поймет. Отец тихо сидел в своем кресле у камина, читая газету, но никогда не переворачивал страницы. Он так же терялся в мире слов ее матери, как и она сама.

Когда Элизабет было двенадцать лет, мать снова забеременела, но, несмотря на то что новорожденную девочку назвали Сиршей, этот ребенок не принес свободы, о которой мать так мечтала, и она отправилась в новое путешествие. Из которого не вернулась. Их отца, Брендана, совершенно не интересовало маленькое существо, послужившее причиной ухода жены, и он просто тихо ждал ее в своем кресле у огня. Читая газету, но никогда не переворачивая страницы. Годами. Всегда. Вскоре Элизабет устала ждать возвращения матери и приняла на себя все заботы о Сирше.

Сирша унаследовала кельтскую внешность отца – светлые рыжие волосы и белую кожу, тогда как Элизабет была копией матери. Оливковая кожа, каштановые волосы, почти черные глаза – все это благодаря древним испанским корням, уходящим в глубь веков. С каждым днем Элизабет все больше напоминала мать и понимала, что отец с трудом это переносит. Она начала ненавидеть себя и, помимо непрерывных попыток вести хоть какие-то разговоры с отцом, еще упорнее старалась доказать ему и самой себе, что у них с матерью нет ничего общего, что ей знакомо чувство преданности.

Окончив в восемнадцать лет школу, Элизабет оказалась в сложном положении: чтобы учиться в университете, нужно было переехать в Корк. Для принятия этого решения потребовалось все ее мужество. Отец рассматривал поступление дочери в университет как предательство и к любым дружеским отношениям, которые она заводила, относился точно так же. Он требовал внимания, желая оставаться единственным человеком в жизни своих дочерей, как будто в его власти было удержать их при себе навсегда. Впрочем, ему это почти удалось, и он был отчасти виноват в том, что у Элизабет не было ни развлечений, ни друзей. Она привыкла вежливо уходить, когда где-нибудь завязывался светский разговор, так как знала, что лишнее время, проведенное вдали от фермы, вызовет упреки и неодобрение. В любом случае забота о Сирше и школа занимали все ее время. Брендан обвинял ее в том, что она, совсем как мать, считает себя выше него и презирает Бале-на-Гриде. У нее же маленький городок вызывал клау-

строфобию, ей казалось, что их унылый фермерский дом погружен в темноту и безвременье. Как будто даже дедушкины часы в холле ждали возвращения матери.

– А где Люк? – спросил голос Мэри в телефонной трубке, резко возвращая Элизабет к реальности.

Элизабет язвительно ответила:

– Ты что, действительно думаешь, что Сирша взяла бы его с собой?

Трубка молчала.

Элизабет вздохнула:

– Он здесь.

Имя «Сирша» было для сестры Элизабет не просто именем. Оно дало ей индивидуальность, определило стиль жизни. Все оттенки значения этого имени влились в ее кровь. Она была вспыльчивой, независимой, необузданной и свободной. Она настолько четко шла по стопам матери, которую помнить не могла, что Элизабет иногда казалось, будто она видит перед собой мать. Но Сирша постоянно исчезала из поля ее зрения. Она забеременела в шестнадцать лет, и никто, даже она сама, не знал от кого. Когда ребенок появился на свет, Сирша не стала мучиться проблемой выбора имени, но со временем стала звать его Лакки, Счастливчик. Еще одно загаданное желание. Так что Элизабет назвала его Люком. И опять, на сей раз в возрасте двадцати восьми лет, Элизабет взяла на себя заботу о ребенке.

При взгляде на Люка в глазах Сирши не отражалось ничего, хорошо еще, что она вообще его узнавала. Элизабет поражало, что между ними нет совсем никаких отношений, никакой связи. Сама Элизабет никогда не планировала заводить детей, на самом деле она даже заключила сама с собой договор о том, что у нее *никогда* их не будет. Она выросла кое-как сама и вырастила сестру и больше не хотела растить никого. Пришло время позаботиться о себе. В двадцать восемь лет, после нелегкой учебы в школе и колледже, она с успехом начала заниматься своей собственной фирмой по дизайну интерьеров. Она понимала, что только она, и никто больше, способна создать Люку нормальные условия для жизни. Она достигла поставленных целей, полностью контролируя свои действия, поддерживала порядок в делах, не давала себе поблажек и всегда оставалась реалисткой, веря в факты, а не в мечты, и, главное, много работала и выкладывалась на все сто. Глядя на мать с сестрой, она хорошо усвоила, что ничего не добьется, если будет гоняться за мечтами и строить воздушные замки.

Теперь ей было уже тридцать четыре и она жила вдвоем с Люком в доме, который любила. Она сама купила его и платила за него без чьей-либо помощи. Это было ее убежище, место, где она могла уединиться и почувствовать себя в безопасности. Она оставалась одна, потому что любовь – это нечто такое, что контролю не подлежит. А ей нужно было всегда контролировать ситуацию. Когда-то она уже любила и была любима, почувствовала вкус мечтаний и узнала, что такое быть на седьмом небе от счастья. Также она узнала, каково потом с глухим стуком упасть обратно на землю. Необходимость взять на себя заботу о ребенке сестры положила конец ее любви, и с тех пор у нее никого не было. Она научилась больше не терять контроль над своими чувствами.

Громко хлопнула входная дверь, и она услышала в холле топот маленьких ног.

– Люк! – позвала она, зажимая рукой телефонную трубку.

– А? – спросил он невинно, в дверном проеме показались его голубые глаза и светлые волосы.

– Не «а?», а «что?», – строго поправила его Элизабет. За эти годы голос ее приобрел учительские нотки.

– *Что?* – повторил он.

– Что ты делаешь?

Люк вошел в холл, и Элизабет сразу заметила его испачканные травой колени.

– Айвен и я просто играем в видеоигры, – объяснил он.

– Мы с Айвеном, – поправила она, продолжая слушать, как Мэри на том конце провода договаривается об отправке полицейской машины.

Люк взглянул на тетю и вернулся в детскую.

– Подожди секунду, – закричала Элизабет в трубку, когда наконец поняла, что ей только что сказал Люк. Она вскочила со стула, ударившись об ножку стола и пролив кофе на его стеклянную поверхность. Чертыхнулась. Черные ножки стула из кованого железа со скрежетом проехали по мраморному полу. Прижав трубку к груди, она бросилась через длинный холл в детскую. Выглянув из-за угла, она увидела сидящего на полу Люка, глаза которого были прикованы к экрану телевизора. Эта комната и его спальня были единственными помещениями в доме, где она разрешала ему держать свои игрушки. Забота о ребенке не изменила ее, как думали многие, и нисколько не смягчила ее характер. Забирая или отвозя Люка, она побывала в домах многих его друзей, где повсюду валялись игрушки, о которые все спотыкались. Ей приходилось пить кофе с мамами, сидя на плюшевых мишках в окружении бутылочек, молочных смесей и подгузников. Но не в ее доме. Эдит знала об этих правилах и не нарушала их. С тех пор как Люк подрос и понял, что за человек его тетя, он тоже стал послушно следовать ее требованиям и играл только в той комнате, которую она ему для этого выделила.

– Люк, кто такой Айвен? – спросила Элизабет, обыскивая глазами комнату. – Ты же знаешь, что нельзя приводить домой незнакомых людей, – озабоченно добавила она.

– Это мой новый друг, – ответил он, не отрывая глаз от накаченного борца, теснящего на экране своего соперника.

– Ты же знаешь, я настаиваю на том, чтобы знакомиться с твоими друзьями до того, как ты приведешь их в дом. Где он? – спросила Элизабет, открывая дверь и входя в детскую. Она надеялась, что этот друг окажется лучше предыдущего маленького разбойника, нарисовавшего портрет своей счастливой семьи несмываемым фломастером прямо на стене, которую после этого пришлось перекрашивать.

– Вон там. – Не отводя глаз от экрана, Люк кивнул в сторону окна.

Элизабет подошла к окну и выглянула в сад перед домом. Никого не увидев, она сложила руки на груди:

– Он что, прячется?

Люк нажал кнопку «Пауза» и наконец оторвал взгляд от борцов на экране. В замешательстве он нахмурился.

– Да вот же он! – показал он на большую подушку, набитую сухими бобами, около которой Элизабет стояла.

Элизабет уставилась на подушку, удивленно раскрыв глаза:

– Где?

– Вон там, – повторил он.

Прищурившись, Элизабет вопросительно посмотрела на него.

– Рядом с тобой, на подушке. – От волнения голос Люка стал громче. Он смотрел на желтую вельветовую подушку, как будто приказывая своему другу появиться.

Элизабет проследила за его взглядом.

– Ты что, не видишь? – Он выронил джойстик и резко встал.

Повисло напряженное молчание, и Элизабет почувствовала, как от Люка исходят волны ненависти. Она понимала, о чем он думает: ну почему она не может увидеть его нового друга, почему не может хотя бы раз подыграть, почему она никогда не может притвориться? Она сглотнула слюну и осмотрела комнату – на тот случай, если действительно не заметила гостя. Но никого не было.

Она наклонилась, чтобы быть с Люком на одном уровне, и у нее хрустнули колени.

– Кроме нас с тобой, в этой комнате никого нет, – тихо прошептала она. Почему-то было легче сказать это шепотом. Легче для нее или для Люка – она не знала.

Щеки у Люка вспыхнули, дыхание участилось. Он стоял в центре комнаты в окружении проводов, руки опущены, на лице застыло беспомощное выражение. Сердце Элизабет гулко забилося в груди, и она беззвучно взмолилась: «Пожалуйста, ну пожалуйста, не будь как твоя мать». Она прекрасно знала, куда могут завести человека фантазии.

В конце концов Люк не выдержал и сказал, уставившись в пустоту:

– Айвен, скажи ей что-нибудь!

Повисло молчание. Люк смотрел в пустоту, а потом громко засмеялся. Он снова взглянул на Элизабет, и улыбка померкла, когда он понял, что она никак не реагирует.

– Ты что, правда не видишь его? – нервно взвизгнул он. Потом еще более сердито повторил: – Почему ты его не видишь?

– Ладно, ладно! – Элизабет старалась не паниковать. Она выпрямилась, чтобы вернуться на тот уровень, который был ей подконтролен. Она не видела никакого Айвена, а разум не разрешал ей притворяться. Ей хотелось как можно скорее выйти из комнаты. Она подняла ногу, чтобы переступить через подушку, но передумала и решила ее обойти. Уже находясь в дверях, она в последний раз обвела взглядом комнату в поисках загадочного Айвена. Никого.

Люк пожал плечами, сел на пол и вернулся к своей игре с борцами.

– Люк, я ставлю пиццу в духовку.

Молчание. Что она еще должна сказать? В такие моменты она понимала, что даже чтение всех в мире руководств по воспитанию детей ей не поможет. Правильное воспитание идет от сердца, оно должно быть инстинктивным, и уже не в первый раз она огорчилась из-за того, что у нее это не получается.

– Будет готово через двадцать минут, – неуклюже закончила она.

– Что? – Люк снова нажал «Паузу» и посмотрел в окно.

– Я сказала, будет готово через двадцать...

– Да нет, я не тебе, – ответил Люк, снова погружаясь в мир видеоигр. – Айвен тоже хочет пиццу. Он сказал, что это его любимое блюдо.

– А... – Элизабет беспомощно сглотнула.

– С оливками, – добавил Люк.

– Но, Люк, ты же ненавидишь оливки.

– Да, но их любит Айвен. Он говорит, что любит их больше всего.

– А...

– Спасибо, – сказал Люк тете, посмотрел на лежащую на полу подушку, улыбнулся, поднял вверх большой палец и снова отвернулся.

Элизабет медленно вышла из детской. Вдруг она поняла, что все еще прижимает к груди телефонную трубку.

– Мэри, ты еще тут? – Она начала грызть ноготь и, глядя на закрытую дверь детской, пыталась понять, что ей делать теперь.

– Я уж подумала, что ты тоже отправилась на луну. И собиралась послать машину к твоему дому, – захихикала Мэри.

Мэри приняла ее молчание за обиду и извинилась.

– В любом случае ты была права: Сирша действительно *собиралась* на луну, но, к счастью, решила по дороге остановиться, чтобы заправиться. То есть чтобы заправиться самой. Твою машину нашли на главной улице, где она мешала проезду. Двигатель работал, а водительская дверь была распахнута настежь. Тебе еще повезло, что Пэдди обнаружил ее до того, как кто-нибудь на ней уехал.

– Дай угадаю. Машина была брошена рядом с пабом.

– Верно. – Мэри сделала паузу. – Ты хочешь подать заявление?

Элизабет вздохнула:

– Нет. Спасибо, Мэри.

– Нет проблем. Я договорюсь, чтобы кто-нибудь пригнал машину к тебе домой.

– А что с Сиршей? – Элизабет мерила шагами холл. – Где она?

– Мы ее некоторое время подержим тут.

– Я за ней приеду, – быстро сказала Элизабет.

– Нет. – Голос Мэри был тверд. – Поговорим об этом позже. Ей нужно успокоиться перед тем, как куда-нибудь отправиться.

Элизабет услышала, как в детской Люк смеется и без умолку болтает сам с собой.

– Кстати, Мэри, – добавила она со слабой улыбкой. – Пока мы с тобой разговариваем, скажи тому, кто пригонит машину, чтобы он захватил с собой еще и психиатра. Кажется, у Люка появился воображаемый друг...

В детской Айвен закатил глаза и поудобнее устроился на подушке. Он слышал, что она говорила по телефону. С тех пор как он приступил к этой работе, родители называли его только так, и это уже начинало ему по-настоящему надоедать. В нем не было абсолютно ничего воображаемого.

Они просто не могли его увидеть.

Глава третья

Со стороны Люка было очень мило пригласить меня на обед в тот день. Когда я сказал, что пицца – мое любимое блюдо, это не значило, что я намекал на то, чтобы меня пригласили к столу. Но как можно отказаться от *пиццы в пятницу*? Это повод для двойного торжества. Как бы то ни было, после происшествия в детской у меня создалось впечатление, что его тете я не слишком нравлюсь, но я не удивился, потому что так оно обычно и бывает. Родители всегда считают, что готовить для меня – это расточительство, потому что в результате им всегда приходится эту еду выкидывать. Сложная получается ситуация: понимаете, очень трудно съесть что-нибудь, будучи втиснутым в очень маленькое пространство за столом, когда все смотрят на тебя, желая знать, исчезнет еда или нет. В итоге я испытываю такой стресс, что просто не могу есть, и приходится оставлять еду на тарелке нетронутой.

Не то чтобы я жаловался, ведь быть приглашенным на обед само по себе очень приятно, но взрослые никогда не кладут мне на тарелку столько же еды, сколько другим. Мне никогда не кладут даже половины и всегда говорят что-нибудь вроде: «О, уверен, Айвен сегодня все равно не голоден». Им-то откуда знать? Они же никогда не спрашивают. Обычно за столом я зажат между тем, кто на тот момент является моим лучшим другом, и надоедливый старшим братом или сестрой, которые тащат с моей тарелки еду, пока никто не видит.

Мне забывают давать такие вещи, как салфетки, приборы, а уж в отношении вина щедрости не дождешься. (Иногда передо мной ставят пустую тарелку и говорят моему лучшему другу, что невидимые люди едят невидимую еду. Ну да, конечно, разве невидимые деревья качаются из-за невидимого ветра?) Обычно я получаю стакан воды, да и то только тогда, когда вежливо прошу об этом своих друзей. Взрослые считают странным, что мне во время еды нужна вода, но еще больше они удивляются, когда я прошу лед. Но ведь лед ничего не стоит, а кому не хочется выпить в жару холодненького?

Разговоры со мной обычно ведут матери. Но они задают вопросы, не слушая ответов, или делают вид, что я сказал что-то другое, чтобы всех насмешить. Говоря со мной, они даже смотрят мне на грудь, как будто считают, что я не больше гнома. Это просто такой стереотип. Для справки: мой рост метр восемьдесят, и там, откуда я прибыл, у нас нет понятия возраста: мы сразу начинаем существовать такими, как есть, и растем скорее духовно, чем физически. Растут наши мозги. Могу вам сказать, что сейчас мой мозг уже достаточно большой, но это не предел. Я занимаюсь этой работой уже очень, очень давно, и у меня хорошо получается. Я ни разу не подводил своих друзей.

Отцы всегда говорят мне что-то вполголоса, когда думают, что никто не слушает. Например, на летние каникулы мы с Барри поехали в Уотерфорд. Мы лежали на пляже Бриттас Бэй, и мимо прошла женщина в бикини. Отец Барри сказал вполголоса: «Ничего себе, да, Айвен?» Отцы всегда считают, что я с ними согласен. Они всегда говорят моим лучшим друзьям, что я сообщаю им вещи вроде: «Нужно есть овощи. Айвен просил меня передать тебе, чтобы ты съел брокколи» и другие глупости. Мои лучшие друзья прекрасно знают, что я никогда не скажу ничего подобного.

Вот такие они, эти взрослые.

Через девятнадцать минут и тридцать восемь секунд Элизабет позвала Люка обедать. В животе у меня урчало, и я очень радовался пицце. Я последовал за Люком через длинный холл на кухню, по пути заглядывая в комнаты. В доме стояла тишина, и наши шаги отдавались гулким эхом. Все комнаты были оформлены в белых или в бежевых тонах и так безупречно чисты, что я начал беспокоиться, как буду есть пиццу: мне не хотелось ничего запачкать. Было не только незаметно, что в доме живет ребенок, – ничто не говорило о том, что тут вообще *кто-нибудь* живет. Никакого, что называется, ощущения уюта.

Тем не менее кухня мне понравилась. В ней было тепло и солнечно, а из-за того, что одна стена была стеклянной, казалось, будто мы сидим в саду. Как на пикнике. Увидев, что стол накрыт на двоих, я подождал, пока мне скажут, куда сесть. Тарелки были большие, черные и блестящие, приборы сияли в лучах солнца, а от двух хрустальных стаканов по стеклянной поверхности стола разбегалась радуга. В центре стояла миска с салатом и стеклянный кувшин с водой, вода, как я заметил, была со льдом и лимоном. Под каждым предметом черные морные подставки. Глядя, как все сверкает, я испугался при мысли, что испачкаю салфетку.

Ножки стула Элизабет скрипнули – она села. Положила на колени салфетку. Я заметил, что она переоделась в спортивный костюм шоколадного цвета, гармонизировавший с ее волосами и выгодно оттенявший кожу. Стул Люка тоже скрипнул, когда он сел. Элизабет взяла большие вилку и ложку и стала накладывать листья салата с маленькими помидорами себе на тарелку. Люк выжидательно смотрел на нее. У него на тарелке лежал кусок пиццы с сыром. Без оливок. Я засунул руки глубоко в карманы и нервно переминался с ноги на ногу.

– Что-то не так, Люк? – спросила Элизабет, поливая салат соусом.

– А где сядет Айвен?

Элизабет замерла, плотно закрутила крышку на банке с соусом и поставила ее на середину стола.

– Ну же, Люк, не валяй дурака, – сказала она весело, не глядя на него. Я знал, что она просто боится поднять глаза.

– Я не валяю дурака. – Люк нахмурился. – Ты же сказала, что Айвен может остаться на обед.

– Да, но где Айвен? – Она старалась сохранить в голосе мягкость, посыпая салат тертым сыром. Я понимал, что она не хочет доводить дело до ссоры. Иначе она бы сразу положила этому конец, и не было бы больше никаких разговоров о воображаемых друзьях.

– Он стоит прямо рядом с тобой.

Элизабет со звоном опустила нож и вилку на стол, и Люк вздрогнул. Она открыла рот, чтобы отчитать его, но ей помешал звонок в дверь. Как только она вышла, Люк встал со стула и достал из кухонного шкафа тарелку. Большую черную тарелку, такую же, как две другие. Он положил на нее кусок пиццы, достал вилку, нож и салфетку и поставил все это на третью черную подставку рядом с собой.

– Вот твое место, Айвен, – радостно сказал он и откусил от своего куска пиццы. Расплавленный сыр повис у него на подбородке, как желтая нитка.

Честно говоря, если бы не мой урчащий от голода живот, я бы не сел за стол. Я знал, что Элизабет рассердится, но ведь если я очень быстро проглочу еду, пока она не вернулась на кухню, то она и не узнает.

– Хочешь еще оливок? – спросил Люк, вытирая рукавом с лица томатный соус.

Я засмеялся и кивнул. У меня потекли слюнки.

Элизабет вбежала на кухню как раз в тот момент, когда Люк тянулся к полке.

– Что ты делаешь? – спросила она, ища что-то в ящике.

– Достая Айвену оливки, – объяснил Люк. – Он любит пиццу с оливками, помнишь?

Она посмотрела на кухонный стол, увидела, что он накрыт на троих, и устало потерла глаза:

– Послушай, Люк, тебе не кажется, что это перевод еды – класть оливки на пиццу? Ты их не любишь, так что потом мне просто придется их выбросить.

– Нет, это не перевод еды, потому что Айвен их съест, правда, Айвен?

– Конечно съем, – сказал я, облизывая губы и потирая ноющий живот.

– Ну и?.. – Элизабет вопросительно подняла бровь. – Что он сказал?

Люк нахмурился:

– То есть ты его еще и не *слышишь*? – Он посмотрел на меня и покрутил пальцем у виска, показывая, что его тетушка сошла с ума. – Он сказал, что, разумеется, съест оливки.

– Как это мило с его стороны, – пробормотала Элизабет, продолжая рыться в ящике. – Но ты уж убедись, чтобы все было съедено до конца, потому что, если что-то останется, это будет последний раз, когда Айвен с нами обедает.

– Не волнуйтесь, Элизабет, я мигом все проглочу, – сказал я ей, набрасываясь на пиццу. Не мог же я допустить, чтобы меня никогда больше не приглашали сюда на обед. У нее были грустные глаза, грустные карие глаза, и я верил, что сделаю ее счастливее, если съем все до крошки. Так что я ел быстро.

– Спасибо, Колм, – устало сказала Элизабет, забирая у полицейского ключи от машины. Она медленно обошла ее, внимательно осматривая краску.

– Все в полном порядке, – ответил Колм, наблюдая за ней.

– Во всяком случае, с машиной. – Она попыталась пошутить и похлопала по капоту. Ей было неловко. Как минимум раз в неделю в ее семье происходило что-то, требовавшее вмешательства полиции, и хотя в этих ситуациях они всегда вели себя исключительно профессионально и вежливо, она не могла совладать с острым чувством стыда. В их присутствии она еще больше старалась выглядеть «нормально», показать, что это не ее вина и что не у *всей* семьи крыша не на месте. Бумажной салфеткой она стерла с капота грязные брызги.

Колм грустно улыбнулся ей:

– Элизабет, на Сиршу завели дело.

Элизабет резко вскинула голову, готовясь противостоять неприятностям.

– Колм! – Она была шокирована. – Но почему?

Раньше такого никогда не случалось. Сирша всегда отделялась предупреждением, после чего ее отвозили туда, где она на тот момент жила. Элизабет понимала, что это не по правилам, но в таком маленьком городке, где все друг друга знают, нужно было просто постороже следить за Сиршей и останавливать ее, пока она не сделала какую-нибудь глупость. Однако за последнее время Сиршу предупреждали уже слишком много раз.

Колм вертел в руках темно-синюю кепку:

– Элизабет, она сидела за рулем пьяная, в украденной машине, а у нее даже прав нет.

Услышав это, Элизабет задрожала всем телом. Сирша сама была в опасности и представляла опасность для других. Почему она продолжает защищать сестру? Когда наконец признает, что они правы и сестра никогда не станет ангелом, как хочется верить ей, Элизабет?

– Но машина не была украдена, – запинаясь, произнесла она. – Я ей сказала, что она мо...

– Не надо, Элизабет. – Голос Колма был тверд.

Чтобы остановиться, ей пришлось прикрыть рот рукой. Она сделала глубокий вдох и постаралась взять себя в руки.

– Ее будут судить? – прошептала она.

Колм смотрел в землю, шевеля ногой камешек:

– Да. Она могла не только разбиться, но и стать причиной гибели других людей.

Элизабет с трудом перевела дыхание и кивнула.

– Еще один шанс, Колм, – сказала она, чувствуя, как теряет последние остатки гордости. – Дайте ей еще один шанс... пожалуйста. – Последнее слово далось ей с трудом. Она почти умоляла. А ведь Элизабет никогда не просила никого о помощи. – Я буду за ней приглядывать. Обещаю, что ни на минуту не спущу с нее глаз. Она исправится, обязательно. Ей просто нужно время, чтобы во всем разобраться. – Элизабет чувствовала, как дрожит ее голос. Ноги подкашивались.

В голосе Колма послышалась грусть.

– Все уже произошло. Мы не можем теперь ничего изменить.

– Каким будет наказание? – Она почувствовала подступающую дурноту.

– Все зависит от того, какой в этот день будет судья. Это ее первое нарушение, то есть ее первое *зафиксированное* нарушение. Так что он может ее пожалеть, но, опять же, может пожалеть, а может, и нет. – Колм пожал плечами, потом взглянул на свои руки. – Еще важно, что скажет задержавший ее полицейский.

– Почему?

– Потому что, если она не оказывала сопротивления полиции и не создавала проблем, это могло бы что-то изменить, но опять же...

– Может, и нет, – озабоченно сказала Элизабет. – Ну и? Она оказывала сопротивление?

Колм весело рассмеялся:

– Потребовалось два человека, чтобы удержать ее.

– Черт, – выругалась Элизабет. – Кто ее арестовал? – Она снова начала грызть ноготь.

После некоторого молчания Колм сказал:

– Я.

От удивления она открыла рот. Колм всегда был очень мягок с ее сестрой. Он всегда защищал Сиршу. Элизабет просто онемела. Она была так взволнована, что прикусила язык и теперь чувствовала во рту вкус крови. Ей не хотелось, чтобы люди поставили на Сирше крест.

– Я сделаю все, что смогу, – сказал он. – Просто постарайся уберечь ее от неприятностей до слушания, которое состоится через несколько недель.

Элизабет вдруг поняла, что уже несколько секунд задерживает дыхание, и выдохнула:

– Спасибо.

Больше она ничего не могла сказать. Испытав большое облегчение, она, тем не менее, понимала, что это не победа. На сей раз никто не сможет защитить ее сестру, и той придется отвечать за свои поступки. Но как она присмотрит за Сиршей, когда даже не знает, где ее искать? Сирша не могла жить с ней и с Люком – она была слишком неуправляема, чтобы находиться рядом с ребенком, – а отец уже давным-давно выставил ее из дома.

– Я, пожалуй, пойду, – тихо сказал Колм и, надев кепку, побрел по выложенной булыжниками подъездной дороге.

Элизабет присела на крыльцо, пытаясь унять дрожь в коленях, и посмотрела на свою машину, покрытую грязными пятнами. Почему Сирша должна все портить? Почему все, *все*, кого Элизабет любила, уходили из ее жизни по вине младшей сестры? Она ощущала невероятную тяжесть, давившую ей на плечи. К тому же известно, как поступит отец, если они привезут Сиршу к нему на ферму, а они непременно так и сделают. Не пройдет и пяти минут, как он будет звонить Элизабет и ругаться.

В доме зазвонил телефон. Элизабет медленно поднялась с крыльца, повернулась и пошла в дом. Когда она открыла дверь, звонки прекратились, и она увидела, что Люк сидит на лестнице, прижав трубку к уху. Она прислонилась к деревянному косяку и, скрестив руки на груди, наблюдала за ним. На ее лице появилась слабая улыбка. Он рос так быстро, а она чувствовала себя оторванной от этого процесса, как если бы он все делал без ее помощи, без того воспитания, которое она должна была ему дать, но которое дать не умела. Она знала, что ей не хватает некоего особого чувства (иногда она вообще не испытывала никаких чувств), и каждый день сокрушалась о том, что материнский инстинкт не появился у нее в момент подписания документов по опекунству. Когда Люк падал и разбивал коленку, ее немедленной реакцией было промыть рану и заклеить ее пластырем. Ей казалось, что этого достаточно и вовсе не обязательно танцевать с ним по комнате, чтобы он перестал плакать и пинать в наказание землю, как это делала Эдит.

– Привет, дедушка, – вежливо сказал Люк.

Он замолчал, слушая, что говорит на другом конце его дед.

– Я обедаю с Элизабет и моим новым лучшим другом Айвеном.

Пауза.

– Пицца с сыром и томатным соусом, но Айвен еще любит, чтобы сверху были оливки.

Пауза.

– Оливки, дедушка.

Пауза.

– Нет, не думаю, что оливки можно вырастить на ферме.

Пауза.

– О-лив-ки, – медленно произнес он по слогам.

Пауза.

– Подожди, дедушка, мой друг Айвен что-то мне говорит. – Люк прижал трубку к груди и внимательно посмотрел в пустоту. Потом снова приложил трубку к уху. – Айвен сказал, что оливка – это маленький маслянистый фрукт с косточкой. Его в субтропических зонах выращивают ради плодов и масла. – Он посмотрел в сторону с таким видом, будто кого-то слушал. – Существует много разновидностей оливок. – Он замолчал, посмотрел вдаль, потом продолжил: – Незрелые оливки всегда зеленого цвета, а зрелые могут быть как зелеными, так и черными. – Он снова посмотрел в сторону и прислушался к тишине. – Большинство созревших на дереве оливок используется для получения масла, остальные засаливают или маринуют и хранят в оливковом масле, рассоле или уксусе. – Он поднял глаза: – Айвен, что такое рассол? – Последовала пауза, потом он кивнул. – Ясно.

Брови Элизабет поползли вверх. С каких это пор Люк стал экспертом по оливкам? Наверное, он узнал о них в школе, он хорошо запоминает подобные вещи. Люк остановился и внимательно слушал то, что говорит ему дедушка.

– Ну, Айвен тоже хочет с тобой познакомиться.

Элизабет бросилась к телефону, пока Люк не сказал ничего лишнего. Отец и без того не всегда хорошо соображал, так что совершенно ни к чему рассуждать с ним о существовании (или отсутствии) невидимого мальчика.

– Привет, – сказала Элизабет, хватая телефонную трубку. Люк медленно, волоча ноги, поплелся на кухню. От его шарканья на Элизабет снова накатила волна раздражения.

– Элизабет, – раздался строгий деловой голос, в котором явно слышался напевный говор графства Керри. – Я только что вернулся и обнаружил твою сестру лежащей у меня на полу в кухне. Я ткнул ее ботинком, но так и не понял, жива она или нет.

Элизабет вздохнула:

– Это не смешно, и моя сестра, помимо всего прочего, еще и *твоя* дочь.

– Только вот не надо мне этого рассказывать, – сказал он презрительно. – Я хочу знать, что ты собираешься с ней делать. Я не желаю ее здесь видеть. В прошлый раз, когда она тут была, ей захотелось выпустить кур из курятника, и я целый день загонял их обратно. Это с моими-то спиной и ногами...

– Понимаю, но тут она тоже жить не может, это нервирует Люка.

– Ребенок еще слишком мал, чтобы нервничать. А она довольно часто вообще забывает, что родила его. Но ты ведь понимаешь, что он не может быть полностью твоим.

«Довольно часто» – это было еще мягко сказано.

– Ей нельзя приезжать сюда, – ответила Элизабет, стараясь не потерять терпение. – Она уже была тут и опять взяла машину. Колм только что пригнал ее. На этот раз все действительно серьезно. – Она сделала глубокий вдох. – На нее завели дело.

Отец немного помолчал, а потом воскликнул в сердцах:

– И правильно сделали! Будет ей урок. – Потом быстро сменил тему: – Почему ты не на работе? Господь велел нам отдыхать только в воскресенье.

– В том-то все и дело. Сегодня был очень важный для меня день на рабо...

– Смотри-ка, твоя сестра вернулась в мир живых, и она уже на улице: пытается сбить коров с ног. Скажи Люку, пусть приезжает ко мне в понедельник со своим новым другом. Мы покажем ему ферму.

Раздался щелчок, и наступила тишина. Слова приветствия и прощания были не в чести у отца. Он до сих пор считал, что мобильные телефоны – это что-то вроде футуристической инопланетной технологии, разработанной для того, чтобы морочить людям голову.

Элизабет повесила трубку и пошла на кухню. Люк сидел за столом один и, держась за живот, хохотал до упаду. Она села на свое место и принялась за салат. Ее нельзя было отнести к тем людям, которые находят в еде удовольствие: она ела только потому, что так было надо. Длинные ужины, занимавшие весь вечер, нагоняли на нее тоску, она никогда не отличалась хорошим аппетитом, потому что всегда либо находилась во власти каких-нибудь переживаний, либо энергия в ней была ключом, мешая спокойно сидеть и есть. Взглянув на стоящую напротив тарелку, она, к своему удивлению, увидела, что там пусто.

– Люк?

Люк перестал говорить сам с собой и посмотрел на нее:

– А?

– Не «а?», а «что?», – поправила она. – Куда делся кусок пиццы, который лежал на этой тарелке?

Люк взглянул на пустую тарелку, потом посмотрел на Элизабет так, будто она сошла с ума, и откусил от своего куска.

– Айвен съел.

– Не говори с набитым ртом!

Он выплюнул непрожеванную пиццу на тарелку.

– Айвен съел.

При виде кашицы, которая только что была у него во рту, он истерически захохотал.

У Элизабет разболелась голова. Что за бес в него вселился?

– А оливки?

Видя ее раздражение, он сначала все проглотил и только потом ответил:

– Их он тоже съел. Я же говорил тебе, что он больше всего любит оливки. Дедушка хотел узнать, можно ли выращивать оливки на ферме. – И Люк улыбнулся, обнажив беззубые десны.

Элизабет улыбнулась. Ее отец не узнал бы оливку, даже если бы она подошла к нему и представилась. Он не любил «модную» еду: рис был самой большой экзотикой, на которую он соглашался, но все равно жаловался, что зернышки слишком маленькие и уж лучше он будет есть картофельное пюре.

Элизабет вздохнула и стала сбрасывать остатки еды в мусорное ведро, предварительно проверив, не выкинул ли Люк туда пиццу с оливками. Но ничего не обнаружила. У Люка обычно не было особого аппетита, он с трудом съедал один кусок пиццы, а уж о двух и говорить нечего. Она предположила, что найдет его через несколько недель покрытым плесенью в углу одного из шкафчиков. А если Люк действительно съел оба куска, то ночью ему будет плохо, и Элизабет придется за ним убирать. Опять.

– Спасибо, Элизабет.

– На здоровье, Люк.

– Чего? – сказал Люк, высунув голову из-за угла.

– Люк, я же тебе уже объясняла, надо говорить «что?», а не «чего?».

– Что?

– Я сказала: «На здоровье».

– Но я же тебя еще не поблагодарил.

Элизабет загрузила тарелки в посудомоечную машину и выпрямилась. Она потерла ноющую поясницу.

– Нет, поблагодарил. Ты сказал: «Спасибо, Элизабет».

– Нет, не говорил. – Люк нахмурился.

Элизабет почувствовала, что закипает:

– Люк, пожалуйста, хватит! Мы уже повеселились за обедом, так что теперь ты можешь перестать дурачиться, договорились?

– Нет. Это Айвен поблагодарил тебя, – сердито ответил он.

Она вся затряслась. Ей надоели эти глупые шутки. Слишком разозленная, чтобы отвечать племяннику, она с силой захлопнула дверцу посудомоечной машины. Ну почему он хотя бы один раз не может не действовать ей на нервы?

Элизабет пронеслась мимо Айвена с чашкой эспрессо, и он почувствовал аромат кофе вперемешку с духами. Она села за кухонный стол, плечи у нее поникли, и она опустила голову на руки.

– Айвен, иди сюда, – нетерпеливо закричал Люк из детской. – На этот раз я дам тебе быть Громилой!

Элизабет тихо застонала.

Но Айвен не мог пошевелиться. Его синие конверсы приросли к полу.

Элизабет слышала, как он поблагодарил ее. Он это точно знал.

Он некоторое время походил вокруг, проверяя ее реакцию на свое присутствие. Пошел-кал пальцами у нее над ухом, отпрыгнул назад и посмотрел, что будет. Ничего. Он похлопал в ладоши и потопал ногами. Это вызвало громкое эхо в большой кухне, но Элизабет продолжала сидеть с опущенной головой, будто каменная.

Но она же сказала: «На здоровье». После бесконечных попыток издавать разные звуки рядом с ней он в недоумении и с большим разочарованием обнаружил, что она его присутствия не ощущает. Ладно, в конце концов, она всего лишь родитель, а кого волнует, что думают родители? Он стоял рядом и смотрел на ее макушку, раздумывая, какой бы звук ему еще издать. Он громко вздохнул, выпустив из легких большой объем воздуха.

Вдруг Элизабет вздрогнула, выпрямилась на стуле и до самого верха застегнула молнию на спортивном костюме.

И тут он понял, что она почувствовала его дыхание.

Глава четвертая

Элизабет закуталась в халат и завязала пояс. Подобрав под себя длинные ноги, она уютно устроилась в огромном кресле в гостиной. Завернутые в полотенце мокрые волосы башней возвышались у нее на голове, кожа источала фруктовый аромат после пенной ванны. В руках у нее была чашка свежесваренного кофе со сливками, и она смотрела телевизор, в буквальном смысле наблюдая за тем, как сохнет краска. Показывали ее любимое шоу про ремонт и перестройку домов, ей очень нравилось смотреть, как ведущим удается превращать самые запущенные и убогие комнаты в изысканные и элегантные.

Она с детства обожала переделывать все, к чему прикасалась. Томительные часы ожидания матери тратились на украшение кухонного стола россыпью ромашек, разбрасывание блесток на коврик у входной двери и скучном сером каменном полу фермы, на декорирование свежими цветами рамок для фотографий и украшение постельного белья пестрыми лепестками. Элизабет считала, что в этом проявлялся ее характер, заставляющий все исправлять, всегда стремиться к лучшему, никогда не успокаиваться, не знать удовлетворения.

Она считала, что это были ее детские попытки не дать матери снова уйти. Ей казалось, чем красивее дом, тем дольше мать в нем останется. Но ромашкам на столе доставалось не больше пяти минут внимания, блестки на коврике быстро затапывались, цветы на рамках для фотографий не могли выжить без воды, а лепестки, разложенные на постели, оказывались на полу во время беспокойного сна матери. Как только эти уловки переставали действовать, Элизабет тут же снова начинала придумывать что-то такое, что могло бы по-настоящему привлечь мать и настолько ей понравиться, чтобы она уже не могла с этим расстаться. Элизабет и в голову не приходило, что «чем-то таким» может быть она сама.

Став старше, она полюбила выявлять истинную красоту вещей и, пока жила на старой ферме отца, приобрела в этом деле большой опыт. Теперь она любила рабочие дни, когда занималась восстановлением старых каминов, снимала ветхое ковровое покрытие и обнаруживала под ним прекрасный пол, лежавший там изначально. Даже в собственном доме она непрерывно что-то меняла, переставляла с места на место. Она стремилась к безупречности. Ставила перед собой задачи, иногда невыполнимые, чтобы только доказать самой себе и всем, что каждая, даже на первый взгляд уродливая вещь таит в себе красоту.

Элизабет получала от работы огромное удовольствие, а когда в Бале-на-Гриде и окружающих городках развернулось жилищное строительство, она начала неплохо зарабатывать. Если появлялись новые веяния, ее фирма узнавала об этом первой. Она свято верила в то, что хороший дизайн делает жизнь лучше. Красивые, удобные и функциональные пространства – вот что она рекомендовала своим клиентам.

Ее собственная гостиная была решена в мягких тонах. Замшевые диванные подушки, пушистые ковры – она любила *чувствовать* предметы. Светло-кофейные и кремовые оттенки, как чашка кофе в ее руке, помогали ей привести мысли в порядок. В этом вечно спешащем куда-то мире ей было жизненно необходимо иметь спокойный дом, чтобы сохранить рассудок, укрыться от хаоса и суеты. По крайней мере, у себя дома она все держала под контролем. Сюда она могла впускать лишь тех, кого хотела, решать, сколько они пробудут и где именно расположатся. В отличие от сердца, куда люди входят без спроса, вторгаются в любые уголки, и попробуй потом удержать их дольше, чем они планировали. Нет, в дом к Элизабет гости приходили только по ее желанию. А она не желала, чтобы они приходили вообще.

Встреча в пятницу была очень важной. Она потратила несколько недель, планируя ее, обновляя портфолио, готовя слайды для презентации, подбирая вырезки из газет и журналов, где говорилось об оформленных ею домах. Она собрала всю свою жизнь в одну папку, чтобы убедить заказчиков поручить ей эту работу. Древнюю башню, возвышающуюся на гор-

ном склоне над Бале-на-Гриде, собирались снести, чтобы освободить место под гостиницу. Когда-то, во времена викингов, эта башня защищала город от врагов, но Элизабет не видела смысла сохранять ее в нынешнем виде: ни художественной, ни исторической ценности она не представляла. Когда туристические автобусы, забитые жадными до впечатлений людьми со всего мира, проезжали Бале-на-Гриде, гиды об этой башне даже не упоминали. Никто ею не гордился, никто не интересовался. Уродливое нагромождение камней, да и только. Ее ни разу не реставрировали, и она тихо осыпалась и разрушалась, днем служила приютом подросткам, а ночью – местным пьяницам. Сирша принадлежала к обеим этим группам.

Но многие жители городка начали борьбу против строительства гостиницы, утверждая, что с башней связана сказочная и романтическая история. Поползли слухи, что, если башню снесут, из города уйдет любовь. Это привлекло внимание желтой прессы, развлекательных программ, и застройщики вскоре поняли, что обнаруженная ими золотая жила оказалась еще богаче. Они решили восстановить башню, придав ей прежний славный вид, но гостиницу все же построить, поместив башню в ее внутренний дворик как исторический памятник, который не даст угаснуть любви в Городе сердец. Неожиданно по всей стране возник интерес к этому проекту, людям захотелось пожить в гостинице рядом с башней, освященной любовью.

Будь ее воля, Элизабет сама сровняла бы башню с землей. Она считала, что эту нелепую историю придумал кто-то из обитателей городка, чтобы сохранить башню. Такая легенда годилась разве что для туристов и мечтателей. Зато оформление интерьера гостиницы очень ее заинтересовало. Заведение будет небольшим, однако сможет дать работу местным жителям. Кроме того, это всего в нескольких минутах от ее дома, так что ей не пришлось бы беспокоиться о том, что Люк надолго остается один.

Раньше Элизабет постоянно находилась в разъездах. Она никогда не проводила в Бале-на-Гриде больше двух-трех недель подряд и радовалась возможности путешествовать и работать в других странах. Ее последний большой проект был в Нью-Йорке, однако с рождением Люка всему этому пришел конец. Оставшись с младенцем на руках, Элизабет не могла разъезжать по другим городам, не говоря уж о странах. Это был очень сложный период: она пыталась основать свою фирму в Бале-на-Гриде и привыкала к мысли, что ей опять придется воспитывать ребенка. Ей ничего не оставалось, кроме как нанять Эдит, ведь отец не стал бы ей помогать, а Сирше, разумеется, не было до Люка никакого дела. Теперь, когда он стал старше и пошел в школу, Элизабет обнаружила, что поиски заказов в окрестностях Бале-на-Гриде дают все меньше и меньше результатов. Строительный бум наверняка со временем кончится, и она постоянно волновалась, не придет ли вместе с этим конец и ее бизнесу.

Ей нельзя было уходить с переговоров в пятницу. Никто в офисе не мог продемонстрировать ее компетентность в области дизайна лучше, чем она сама. Ее сотрудницами были Бекка, отвечавшая на звонки, и Поппи. Бекка, скромная и безумно застенчивая семнадцатилетняя девушка, начала работать у Элизабет стажеркой, еще учась в школе, а потом решила больше к учебе не возвращаться. Она усердно трудилась, вела себя тихо и не болтала в офисе, что очень нравилось Элизабет, и она взяла ее на работу вскоре после того, как Сирша, работавшая неполный рабочий день, подвела ее. И *не просто* подвела. Пришлось срочно нанимать нового человека. Чтобы справиться с хаосом. Опять. То, что она держала Сиршу при себе в течение дня, пытаясь помочь ей встать на ноги, привело лишь к тому, что Сирша взбунтовалась и еще больше отдалилась от нее.

Двадцатипятилетняя Поппи недавно окончила художественное училище, она была полна потрясающих и нереализуемых творческих планов и готова раскрасить мир в еще не придуманный ею самый цвет. В офисе работали только они втроем, но Элизабет часто прибегала к услугам шестидесятивосьмилетней миссис Брэкен, настоящей волшебницы по части шитья, державшей в городе обивочную мастерскую. Неимоверно сварливая, она настаивала на том, чтобы ее называли миссис Брэкен, а не Гвен, – в знак почтения к ее обожаемому, увы, покойному

мистеру Брэкену, у которого, как полагала Элизабет, никогда не было имени. И наконец, у нее еще работал пятидесятидвухлетний Гарри, мастер на все руки, для которого не существовало ничего невозможного: он с одинаковым успехом развешивал картины и прокладывал проводку. Но при этом был не в состоянии понять, как незамужняя женщина может иметь собственное дело, не говоря уже о том, что она воспитывает чужого ребенка. В зависимости от бюджета проекта Элизабет могла предложить своим клиентам самые разные услуги – от инструктирования маляров и декораторов до выполнения всей работы самостоятельно, но обычно ей нравилось принимать во всем активное участие. Она любила наблюдать за тем, как все преобразается, ведь это было частью ее натуры – желание исправить все самой.

В том, что Сирша в то утро появилась в доме Элизабет, не было ничего необычного. Она часто приезжала пьяная, осыпала сестру оскорблениями, пыталась забрать все, до чего могла дотянуться и что можно было продать. Элизабет даже не знала, только ли алкоголь у нее теперь в ходу. Много времени прошло с тех пор, когда они с сестрой последний раз разговаривали по-человечески. Когда Сирше исполнилось четырнадцать, у нее в голове как будто щелкнул какой-то выключатель, и она ушла от них в другой мир. Элизабет пыталась ей помочь, отправляла на консультации к врачам, в реабилитационные центры, давала ей деньги, находила работу, сама нанимала ее, позволила переехать к ней, снимала для нее квартиры. Элизабет пробовала быть ей другом, пробовала быть врагом, смеялась вместе с ней и кричала на нее, но ничего не помогало. Сирша была для нее потеряна, потеряна в мире, где никто другой не имел значения.

Элизабет не могла не думать об иронии, заключенной в ее имени. Сирша не была свободной. Может, она и чувствовала себя свободной, приходя и уходя когда вздумается, не испытывая ни к кому и ни к чему ни малейшей привязанности, но она была рабой своих пристрастий. Однако сама она того не замечала, а слова Элизабет пропускала мимо ушей. Элизабет не могла полностью отвернуться от сестры, но у нее не было больше сил и надежды на то, что Сиршу можно изменить. Она уже потеряла всех своих друзей и возлюбленных из-за непоколебимой веры в то, что все можно исправить. Видя, как Сирша постоянно использует сестру в своих интересах, они все больше и больше разочаровывались, пока не уходили из ее жизни навсегда. Но Элизабет не чувствовала себя жертвой. Она всегда владела ситуацией и прекрасно понимала, зачем делает то, что делает. Не в ее правилах было бросать на произвол судьбы члена своей семьи. Она не собиралась становиться похожей на мать. Всю жизнь старалась избежать этого.

Элизабет, встревожившись, нажала кнопку «Звук» на телевизионном пульте, и в комнате стало тихо. Она наклонила голову набок – ей снова что-то послышалось. Осмотревшись и увидев, что все в порядке, она вернула звук обратно.

Но вот опять.

Она снова выключила звук и поднялась с кресла.

Было двадцать два пятнадцать, еще не совсем стемнело. Она выглянула в раскинувшийся за домом сад, но в сумерках смогла разглядеть только черные тени и силуэты. Элизабет быстро задернула шторы и, оказавшись в своем сливочно-бежевом коконе, сразу почувствовала себя в безопасности. Она затянула потуже пояс халата и снова села в кресло, обняв руками колени, как будто защищалась от кого-то. На нее смотрел пустой кожаный диван кремового цвета. Она увеличила звук телевизора и сделала глоток кофе. Бархатистая жидкость мягко отдавала свое тепло, согревая ее изнутри, и она еще раз попробовала сосредоточиться на передаче.

Весь день она странно себя чувствовала. Отец всегда говорил, что, если чувствуешь, как по спине пробегает холодок, значит, кто-то ходит по твоей могиле. Элизабет в это не верила, но все же отвернулась от трехместного кожаного дивана, пытаясь избавиться от ощущения, что кто-то на нее смотрит.

Айвен видел, как она выключила звук телевизора, быстро поставила кофейную чашку на столик и вскочила с кресла так стремительно, будто сидела на булавках. Ну, вот опять, подумал он. Расширенными от ужаса глазами она оглядывала комнату. Айвен приготовился и подвинулся на край дивана. Кожаная обивка чуть слышно скрипнула.

Элизабет резко обернулась и посмотрела на диван.

Она схватила черную железную кочергу, стоявшую у большого мраморного камина. Крепко сжав ее в руке, так что побелели костяшки пальцев, она медленно обошла комнату на цыпочках, заглядывая во все углы. Диванное покрытие скрипнуло снова, и Элизабет бросилась туда. Айвен поднялся и отошел в сторону.

Он спрятался за занавесками и смотрел, как она снимает с дивана подушки, ворча себе под нос что-то про мышей. После десятиминутных поисков Элизабет положила подушки на место, вернув дивану его безупречный вид.

В недоумении она взяла со столика чашку и пошла на кухню. Айвен следовал за ней почти вплотную, он шел так близко, что пряди ее мягких волос щекотали ему лицо. Ее волосы пахли кокосом, а от кожи по-прежнему исходил фруктовый аромат.

Он сам не понимал, чем она его привлекла. Он наблюдал за ней с обеда в пятницу. Люк все звал и звал его играть в бесконечные игры, а Айвену не хотелось ничего, кроме как находиться рядом с Элизабет. Сперва только для того, чтобы понять, сможет ли она услышать или почувствовать его, но вскоре он пришел к выводу, что она неотразима. Она была помешана на чистоте. Он заметил, что она не может выйти из комнаты, чтобы ответить на телефонный звонок или открыть входную дверь, если в ней не все убрано. Она пила много кофе, рассматривала сад, снимала воображаемые пылинки практически со всего вокруг. И еще она думала. Это было видно по ее лицу. Элизабет сосредоточенно хмурилась, при этом выражение ее лица менялось, как будто она мысленно вела с кем-то разговор, и, судя по тому, как часто она хмурилась, эти беседы постоянно перерастали в споры.

Он заметил, что ее всегда окружает тишина. Ни музыки, ни каких-либо привычных звуков, как у большинства людей: грохочущее радио, открытое окно, через которое врывается шум лета, пение птиц, жужжание газонокосилок. Они с Люком мало разговаривали, и чаще всего их общение сводилось к тому, что она давала инструкции, а он спрашивал разрешения – в общем, ничего веселого. Телефон звонил редко, никто не заходил в гости. Как будто мысленные разговоры были достаточно громкими, чтобы заполнить окружающую пустоту.

Всю пятницу и субботу он ходил за ней по пятам, а вечером сидел на кремовом диване и наблюдал, как она смотрит, судя по всему, единственную программу, которая ей нравилась. Они смеялись над одними и теми же шутками, вздыхали в одних и тех же местах – казалось, они совпадают во всем, хотя она и не подозревала, что он рядом. Прошлой ночью он смотрел, как она спит. Спала она беспокойно, максимум три часа, остальное время провела за чтением: откладывала книгу каждые пять минут, смотрела в пустоту, снова брала, пролистывала несколько страниц, читая одно и то же, снова откладывала, закрывала глаза, через какое-то время вновь открывала их, включала свет, делала наброски мебели и комнат, играла с цветами, оттенками и кусочками тканей, выключала свет...

Наблюдая за ней из плетеного кресла в углу, Айвен почувствовал, что сам устал. Регулярные прогулки на кухню за кофе не помогали ей заснуть. В воскресенье утром она встала рано и принялась за уборку: чистила ковры пылесосом, мыла, полировала и драила и без того безупречный дом. Она занималась этим все утро, пока Айвен в саду за домом играл с Люком в салочки. Он вспомнил, что Элизабет особенно расстроил вид Люка, бегающего по саду, смеющегося и кричащего что-то самому себе. Она присоединилась к ним за кухонным столом и смотрела, как Люк играет в карты, с озабоченным видом качает головой и подробно объясняет правила пустоте перед собой.

Но когда в девять вечера Люк пошел спать, Айвен быстрее обычного прочитал ему сказку «Мальчик-с-пальчик» и поспешил к Элизабет. Он чувствовал, как тревога ее растет с каждым днем.

Она сполоснула кофейную чашку и, перед тем как поставить ее в посудомоечную машину, убедилась, что на ней нет ни единого пятнышка. Затем протерла раковину специальной тряпочкой и бросила ее в корзину с грязным бельем, стоявшую в подсобке. Потом она сняла воображаемые пылинки с нескольких предметов, подняла крошки с пола, выключила везде свет и начала тот же процесс в гостиной. Два вечера подряд она делала абсолютно одно и то же.

Но сейчас, выходя из комнаты, она вдруг резко остановилась, Айвен чуть не налетел на нее. Сердце у него бешено забилося. Неужели она почувствовала его присутствие?

Элизабет медленно повернулась.

Он поправил рубашку, чтобы выглядеть презентабельно.

Когда они оказались лицом к лицу, он улыбнулся.

– Привет, – сказал он, страшно смущаясь.

Она устало потерла глаза.

– Ох, Элизабет, ты сходишь с ума, – прошептала она. И, закусив губу, двинулась на Айвена.

Глава пятая

Тут Элизабет поняла, что теряет рассудок. Это уже случилось с ее сестрой и матерью, теперь очередь за ней. Последние несколько дней она чувствовала себя ужасно неуверенно, как будто кто-то постоянно следил за ней. Она заперла все двери, задернула все шторы, включила сигнализацию. Но ей этого показалось мало.

Она бросилась через гостиную к камину, схватила кочергу, выбежала с ней из комнаты, заперла за собой дверь и с кочергой в руке поднялась наверх, в спальню. Положив кочергу на прикроватную тумбочку, она покачала головой и выключила свет. Она *действительно* сходит с ума.

Айвен выбрался из-за дивана, куда нырнул, когда Элизабет пошла прямо на него, и огляделся. Он слышал, как щелкнул замок. Такого разочарования он еще никогда не испытывал. Она по-прежнему его не видела.

Знаете, я ведь не волшебник. Я не могу сложить руки на груди, кивнуть и в следующую секунду оказаться на самом верху книжной полки или еще где-нибудь. Я не живу в лампе, у меня нет смешных ушей, волосатых ступней или крыльев. Я не меняю выпавшие зубы на монетки, не оставляю подарки под елкой и не прячу шоколадные яйца. Я не умею летать, лазить по стенам и перемещаться со скоростью света.

И я не в состоянии открыть дверь.

Кто-нибудь должен сделать это за меня. Взрослые считают, что нет ничего смешнее. Но я ведь не смеюсь над взрослыми, когда они не могут забраться на дерево или произнести алфавит в обратном порядке, потому что они не могут этого сделать физически. Это вовсе не значит, что они какие-то недоделанные.

Так что Элизабет могла и не запираť дверь гостиной, отправляясь спать, потому что я все равно не смог бы повернуть ручку. Как я уже сказал, я не супергерой, моя сила – это дружба. Я слушаю людей и слышу, что они говорят. Я прислушиваюсь к их интонациям, к словам, которые они выбирают, и, что важнее всего, я слышу то, чего они *не* говорят.

Поэтому единственное, что я мог делать той ночью, – это думать о своем новом друге Люке. Время от времени мне необходимо сосредоточиться. Я мысленно делаю заметки, чтобы потом отправить отчет в Управление. Там все это фиксируют в учебных целях. К нам постоянно присоединяются новые люди. Должен признаться, что, находясь среди друзей, я их немного кое-чему учу.

Мне нужно было подумать, почему я сюда попал. Почему Люк захотел увидеть меня? Что он мог получить от нашей дружбы? Мы работаем профессионально и должны предоставлять компании краткую биографию наших друзей, а также перечень наших целей и намерений. Обычно я сразу с легкостью могу определить проблему, но сейчас что-то сбивало меня с толку. Понимаете, я никогда еще не дружил со взрослыми. Любой, кто хоть раз общался со взрослыми, поймет почему. С ними никогда не бывает весело. Они живут строго по расписанию, сосредоточены на самых малозначительных вещах, таких как закладные и банковские счета, хотя всем известно, что наибольшую радость приносят окружающие нас люди. Это тяжелый труд, а не игра, и я действительно много работаю, но все равно больше всего люблю играть.

Возьмем, к примеру, Элизабет. Лежа в постели, она беспокоится о налоге на автомобиль и телефонных счетах, о нянях и расцветках стен. Если нельзя сделать так, чтобы стена была цвета магнолии, можно использовать еще миллион других оттенков; если не можешь оплатить телефонный счет, просто напиши об этом в телефонную компанию. Люди забывают, что варианты есть всегда. И что на самом деле все это не так уж важно. Нужно сосредоточиться на том, что имеешь, а не на том, чего у тебя нет. Но я опять отклоняюсь от темы.

Той ночью, сидя взаперти в гостиной, я немного нервничал из-за своей работы. Это случилось в первый раз за всю мою практику. Я нервничал, оттого что не мог понять, почему нахожусь здесь. Ситуацию в семье Люка нельзя было назвать простой, но в ней не было ничего экстраординарного, и мальчик явно чувствовал, что его любят. Он был веселым ребенком и любил играть, хорошо спал по ночам и ел все, что клали ему на тарелку, у него имелся симпатичный друг по имени Сэм, и, когда он говорил, я внимательно вслушивался, стараясь уловить, чего он недоговаривает, но так ничего и не обнаружил. Ему нравилось жить с тетей, он боялся своей матери и любил разговаривать с дедом об овощах. Но то, что он по-прежнему видел меня и хотел играть со мной, означало, что я непременно должен оставаться с ним.

С другой стороны, его тетя очень мало спала, почти ничего не ела, ее всегда окружала тишина, такая гулкая, что буквально оглушала. У нее не было близкого человека, с которым она могла бы поговорить, по крайней мере, я его пока не видел, и она *держала в себе гораздо больше, чем говорила*. Один раз она услышала, как я поблагодарил ее, несколько раз почувствовала мое дыхание, услышала, как скрипнул подо мной кожаный диван, но все еще не видела меня и не желала моего присутствия у себя в доме.

Элизабет не хотела играть.

Кроме того, она была взрослой, и от нее исходили какие-то флюиды, но она не умела видеть смешное, даже если оно оказывалось у нее под носом, хотя, поверьте, за эти выходные я часто ей подсовывал забавные вещи. Поэтому вряд ли я находился здесь для того, чтобы помочь ей. Это было бы неслыханно.

Люди говорят обо мне как о невидимом или воображаемом друге. Как будто меня окружает какая-то тайна. Я читал книги, написанные взрослыми, в которых задается вопрос, почему дети видят меня, почему они долго верят в меня, а потом внезапно перестают и снова становятся такими, как раньше? Я смотрел телевизионные передачи, где взрослые обсуждали, почему дети выдумывают таких, как я.

Так вот, просто чтобы вы знали: я не невидимый и не воображаемый. Я всегда нахожусь неподалеку. И ребята вроде Люка не *решают* увидеть меня, они просто меня видят. А вот люди, как вы и Элизабет, решают этого не делать.

Глава шестая

Элизабет проснулась в шесть часов восемь минут от лучей солнца, струившихся через окно спальни прямо ей в лицо. Она всегда спала с незадернутыми шторами. Причина заключалась в том, что она выросла на ферме. Лежа в постели, она могла через окно их одноэтажного домика проследить взглядом путь по тропинке в саду и к передней калитке. За ней начиналась проселочная дорога, которая шла прямо от фермы и растягивалась на милю. Элизабет видела, что мать идет по дороге, возвращаясь из своих путешествий, как минимум за двадцать минут до того, как она доходила до дома, и издалека могла узнать эту подпрыгивающую и одновременно скользящую походку. Эти двадцать минут всегда казались Элизабет вечностью, а длинная дорога словно сама постепенно усиливала ее возбуждение, чуть ли не дразнила ее.

И наконец раздавался знакомый звук – скрип калитки. Как будто ржавые петли приветствовали ее странницу мать. Элизабет находилась в отношениях любви-ненависти с этой калиткой. Как и дорога, калитка дразнила Элизабет, и часто, услышав скрип, она бежала посмотреть, кто там, чтобы, к огромному своему разочарованию, убедиться, что это всего лишь почтальон.

Настойчивое требование Элизабет оставлять шторы незадернутыми раздражало ее соседа по комнате в колледже и ее возлюбленных. Она сама не знала, зачем ей это нужно, ведь она уж точно больше никого не ждала. Но сейчас, во взрослой жизни, открытые шторы были ее будильником, она знала, что льющийся в окно свет не даст ей снова заснуть. Даже во сне она была настороже и держала все под контролем. Она ложилась в постель для того, чтобы отдохнуть, а не погружаться в мир грез.

Элизабет зажмурилась от наполнявшего комнату яркого солнца, в голове начала пульсировать боль. Ей был нужен кофе, и срочно. Пение птиц за окном громкими переливами разносилось в сельской тишине. Где-то вдали на этот призыв отозвалась корова. Но, несмотря на утреннюю идиллию, Элизабет не ждала от наступившего понедельника ничего хорошего. Ей предстояло заново назначить встречу со строителями гостиницы, что было трудной задачей, так как после шумихи в прессе о новом любовном гнездышке на вершине горы в город со всех концов света хлынули люди, желающие поделиться своими дизайнерскими идеями. Это возмущало Элизабет, ведь здесь ее территория. Но это было не единственной проблемой.

Ее отец пригласил Люка провести день на ферме, и Элизабет была этому рада. Однако ее беспокоило то, что там ждали еще одного шестилетнего мальчика по имени Айвен. Ей придется утром поговорить об этом с Люком, она боялась даже представить себе, что случится, если в присутствии отца пойдет разговор о воображаемом друге.

В свои шестьдесят пять Брендан был крупным, широкоплечим, молчаливым мужчиной, постоянно погруженным в собственные мысли. Время не смягчило его, наоборот, лишь добавило горечи, с возрастом чувство обиды и недоумения только усилилось. Он был человеком негибким, очень закрытым и не желал меняться. Элизабет примирилась бы с его сложным характером, если бы отец ощущал себя комфортно, замкнувшись в своей скорлупе, но она видела, что это не так, что он просто загоняет себя в тупик, делая собственную жизнь еще более несчастной. Он был угрюм, редко говорил с кем-нибудь, кроме коров или овощей, никогда не смеялся и каждый раз, когда решал, что кто-то достоин беседы с ним, принимался поучать. Отвечать не требовалось. Он говорил не для поддержания разговора. Он говорил, чтобы делать заявления. С Люком он виделся редко, так как не желал попусту тратить время на детские забавы, глупые игры и прочую ерунду. Но Люк был в его глазах чистой книгой, готовой быть заполненной разнообразными сведениями, и не имел пока достаточных знаний, чтобы задавать сложные вопросы или критиковать. Именно это, по мнению Элизабет, и привлекало в нем отца. В жизни старого фермера не было места для сказок и волшебных историй. И это, пожалуй, единственное, что роднило его с дочерью.

Она зевнула, потянулась и, все еще не в силах открыть глаза навстречу яркому свету, повернулась к тумбочке, чтобы взять будильник. Просыпаясь каждое утро в одно и то же время, она, тем не менее, никогда не забывала поставить будильник. Неожиданно ее рука наткнулась на нечто твердое и холодное, что затем с громким стуком упало на пол. Все еще не до конца проснувшись, она вздрогнула от испуга.

Свесившись с кровати, Элизабет увидела лежащую на белом ковре железную кочергу. Вид этого грозного оружия напомнил ей, что нужно вызвать специалиста из компании «Рентокил» вывести мышей. Все выходные она ощущала их присутствие в доме, а мысль о том, что уже несколько ночей мыши разгуливают у нее в спальне, приводила ее в такой ужас, что она почти не спала, что, впрочем, не было для нее так уж необычно.

Умывшись, одевшись и разбудив Люка, Элизабет спустилась на кухню. Через несколько минут с чашкой эспresso в руке она уже набирала номер «Рентокила». В кухню вошел сонный Люк, с растрепанными волосами, в оранжевой футболке, кое-как заправленной в красные шорты. Этот наряд дополняли странного вида носки и кроссовки, на подошвах которых при каждом шаге вспыхивал огонек.

– Где Айвен? – спросил он слабым голосом, оглядывая кухню, будто никогда раньше здесь не бывал. По утрам ему был нужен как минимум час, чтобы окончательно проснуться после того, как он встал и оделся. Зимой, когда утром за окном темно, это занимало еще больше времени. Элизабет полагала, что Люк окончательно начинал понимать, что происходит вокруг него, только на первых уроках в школе.

– Где Айвен? – повторил он, растерянно озираясь.

Прижав палец к губам и строго посмотрев на него, Элизабет заставила Люка замолчать, слушая, что говорит в трубке девушка из «Рентокила». Он знал, что нельзя мешать, когда она говорит по телефону.

– Ну, я заметила только на этих выходных. Даже в середине дня в пятницу, когда я...

– Айвен! – закричал Люк и начал заглядывать под кухонный стол, за занавески и двери.

Элизабет закатила глаза. Ну вот, опять началось.

– Нет, я не видела...

– Айвееееен!

– ...Еще ни одной, но точно знаю, что они тут есть, – закончила Элизабет и попыталась поймать взгляд Люка, чтобы снова строго на него посмотреть.

– Айвен, где тыыы? – закричал Люк.

– Помет? Нет, никакого помета нет, – сказала Элизабет, начиная заводитьсь.

Люк перестал кричать и стал прислушиваться.

– Что? Я тебя похо слышу.

– Нет, у меня нет мышеловок. Слушайте, я очень занята, у меня нет времени отвечать на миллион вопросов. Может ли кто-то просто приехать и проверить? – резко сказала Элизабет.

Вдруг Люк выбежал из кухни в холл. Она слышала, как он стучит в дверь гостиной.

– Что ты там делаешь, Айвен? – Он потянул за ручку.

Наконец телефонный разговор кончился, и Элизабет бросила трубку. Люк изо всех сил кричал что-то через дверь гостиной. Она окончательно потеряла терпение:

– Люк! Немедленно иди сюда!

Стук в дверь гостиной сразу же прекратился. Волоча ноги, он вернулся на кухню.

– Хватит шаркать! – закричала она.

Он стал старательно поднимать ноги, и при каждом шаге на подошвах кроссовок вспыхивали лампочки. Он подошел к ней и высоким голосом спросил как можно невиннее:

– Почему ты заперла Айвена на ночь в гостиной?

Тишина.

Пора положить этому конец. Она выберет момент, они с Люком сядут и обсудят сложившуюся ситуацию. Она поможет ему образумиться, и больше не будет никаких разговоров о невидимых друзьях.

– А еще Айвен хочет знать, зачем ты взяла с собой в постель кочергу, – добавил он, чувствуя себе увереннее оттого, что она молчит.

И тут Элизабет взорвалась:

– Чтоб больше не было никаких разговоров об этом Айвене, ты меня слышишь?

Люк побледнел.

– Ты меня слышишь? – кричала она, не давая ему возможности ответить. – Ты знаешь так же хорошо, как и я, что Айвена *нет*. Он *не* играет в салочки, *не* ест пиццу, его *нет* в гостиной, и он *не* твой друг, потому что его *не существует*.

Лицо Люка сморщилось, он был готов расплакаться.

Элизабет продолжала:

– Сегодня ты поедешь к бабушке, и, если я узнаю от него, что ты хотя бы раз упомянул Айвена, у тебя будут *большие неприятности*. Ты меня понял?

Люк начал тихо плакать.

– Ты понял? – повторила она.

Он кивнул, по его щекам текли слезы.

Элизабет замолчала, от крика у нее заболело горло.

– А теперь садись за стол, я принесу твои хлопья, – мягко сказала она.

Она сходила за хлопьями «Кокопопс». Обычно она не разрешала ему есть на завтрак сладкое, но разговор об Айвене прошел не совсем так, как она планировала. Она знала, что у нее плохо получается держать себя в руках. Элизабет села за стол и стала смотреть, как он насыпает хлопья в миску и как дрожат его маленькие руки, держа тяжелый пакет с молоком. Молоко брызнуло на стол. Она сдержалась, чтобы снова не накричать на него, хотя только вчера вечером отчистила стол до блеска. Что-то из того, что сказал Люк, беспокоило ее, но она никак не могла вспомнить, что именно. Подперев голову рукой, она смотрела, как он ест.

Он жевал медленно. И печально. Кроме хруста хлопьев не раздавалось ни звука. Наконец несколько минут спустя он заговорил.

– Где ключ от гостиной? – спросил он, избегая ее взгляда.

– Люк, сначала прожуй, – тихо сказала она, затем вынула из кармана ключ от двери в гостиную, пересекла холл и повернула ключ в замке. – Ну вот, теперь Айвен может спокойно *покинуть* наш дом, – пошутила она и сразу об этом пожалела.

– Он не может, – грустно сказал Люк из-за кухонного стола. – Он не может сам открыть дверь.

Тишина.

– Не может? – повторила Элизабет.

Люк кивнул, как будто сказал нечто совершенно обычное. За всю свою жизнь Элизабет не слышала большей нелепицы. Что же это за воображаемый друг, если он не может проходить сквозь стены и двери? Что ж, она не будет открывать дверь, она уже отперла ее, и этого более чем достаточно. Она вернулась на кухню, чтобы собрать кое-что для работы. Люк доел хлопья, поставил миску в посудомоечную машину, вымыл руки, вытер их и пошел в гостиную. Он повернул ручку, рывком открыл дверь, отступил назад, широко улыбнулся пустоте, прижал палец к губам и, показав другой рукой на Элизабет, тихонько захихикал. Элизабет с ужасом наблюдала за ним. Она вышла в холл, встала за Люком в дверном проеме и заглянула в гостиную.

Никого.

Девушка из «Рентокила» сказала, что это очень необычно, чтобы мыши появились в доме в июне, и, обводя глазами комнату, Элизабет пыталась понять, откуда могли взяться все эти звуки.

Смех Люка вывел ее из задумчивости, и, посмотрев через холл в кухню, она увидела, что он сидит за столом, весело болтает ногами и корчит рожи в пустоту. Стол был накрыт еще для одного человека, и там стояла новая миска с «Кокопопсом».

– Ну и строга же она, – прошептал я Люку за столом, пытаясь набрать в ложку побольше хлопьев так, чтобы не заметила Элизабет. Я обычно не шепчу при родителях, но она уже пару раз меня слышала, и я не хотел рисковать.

Люк захихикал и кивнул.

– Она всегда такая?

Он опять кивнул.

– Она что, никогда не играет с тобой и не обнимает тебя? – спросил я, наблюдая, как Элизабет чистит каждый сантиметр и без того сверкающих кухонных поверхностей и передвигает предметы на несколько миллиметров вправо и влево.

Люк на время задумался, потом пожал плечами:

– Нечасто.

– Но ведь это ужасно! Тебе не кажется?

– Эдит говорит, что есть люди, которые не обнимаются без конца и не играют с тобой в разные игры, но все равно любят тебя. Они просто не знают, как об этом сказать, – прошептал он.

Заметно нервничая, Элизабет наблюдала за ним.

– Кто такая эта Эдит?

– Моя няня.

– А где она сейчас?

– В отпуске.

– И кто же будет присматривать за тобой, пока она в отпуске?

– Ты, – улыбнулся Люк.

– Давай скрепим это рукопожатием, – сказал я, протягивая руку. Люк схватил ее. – Мы делаем это вот так, – объяснил я, трясая головой и всем телом, будто бился в конвульсиях. Люк начал смеяться и повторил за мной. Мы засмеялись еще громче, Элизабет перестала убираться и посмотрела в нашу сторону. Глаза у нее расширились.

– Ты задаешь много вопросов, – прошептал Люк.

– Ты на многие отвечаешь, – парировал я, и мы снова засмеялись.

Элизабет тряслась в своем «БМВ» по ухабистой проселочной дороге, ведущей к ферме отца. Она с раздражением сжимала руль, когда поднимающаяся с земли пыль оседала на ее недавно вымытую машину. Она не понимала, как могла прожить на этой ферме восемнадцать лет. Здесь было невозможно ничего сохранить в чистоте. На обочине дороги от легкого ветерка покачивались дикие фуксии, словно приветствуя их. Они обступили эту дорогу длиной в милю, как посадочные огни, и терлись об окна машины, заглядывая внутрь, чтобы посмотреть, кто там едет. Люк опустил стекло и позволил веточкам пощекотать поцелуями свою ладонь.

Элизабет молилась про себя, чтобы никто не ехал навстречу: двум машинам здесь было не разъехаться. Чтобы пропустить кого-нибудь, ей пришлось бы сдать на полмили назад. Иногда казалось, что это самая длинная дорога на свете. Видишь впереди цель, но чтобы попасть туда, то и дело приходится от нее удаляться.

Два шага назад, один вперед.

Совсем как в детстве, когда она видела, что мать идет по дороге, но должна была ждать двадцать минут, пока наконец не раздастся знакомый скрип калитки.

К счастью, поскольку они выехали позже, чем собирались, навстречу им никто не попался. Предупреждение Элизабет не подействовало: Люк решительно отказался выйти из дома, пока Айвен не доест хлопья. Потом он настоял на том, чтобы отодвинуть пассажирское сиденье и дать Айвену забраться назад.

Она быстро взглянула на Люка. Он сидел, пристегнувшись, на переднем сиденье, высунув руку в окно, и тихо напевал ту же песенку, что пел все выходные. Он выглядел счастливым. Она надеялась, что он скоро перестанет играть в эту новую игру, по крайней мере у дедушки.

Элизабет видела, что отец поджидает их у калитки. Знакомая картина. Знакомое поведение. Что-то, а ждать он умел. Элизабет могла поклясться, что на нем те же коричневые вельветовые брюки, что он носил, когда она еще жила здесь. Они были заправлены в заляпанные грязью зеленые сапоги, в которых он ходил дома. Серый хлопковый свитер украшал выцветший узор из зеленых и голубых ромбов, на груди зияла дыра, и в ней виднелась зеленая рубашка. На голове плотно сидела твидовая кепка. В правой руке он держал терновую трость, щеки и подбородок покрывала серебристая щетина. Седые брови были такими кустистыми, что, когда он хмурился, они полностью закрывали его серые глаза. Из крупного носа с большими ноздрями торчали седые волоски. Лицо в глубоких морщинах, ладони огромные, как лопаты, а плечи широкие, как горы в ущелье Данлоу. По сравнению с ним ферма у него за спиной казалась совсем маленькой.

Увидев деда, Люк сразу же перестал напевать и убрал руку из окна. Элизабет остановилась, выключила мотор и выскочила из машины. У нее был план. Как только Люк вышел, она быстро захлопнула дверцу с его стороны, не дав ему отодвинуть сиденье, чтобы выпустить Айвена. Лицо Люка дернулось, когда он это увидел.

Калитка фермы скрипнула.

Сердце Элизабет сжалось.

– Доброе утро, – пророкотал низкий голос. Это не было приветствием. Это было заявлением.

У Люка задрожала нижняя губа, он прижал лицо и ладони к окну заднего сиденья. Элизабет надеялась, что он не станет устраивать истерику.

– Люк, ты не хочешь поздороваться с дедушкой? – строго спросила она, прекрасно понимая, что сама еще этого не сделала.

– Привет, дедушка. – Голос Люка дрожал. Он все еще прижимался лицом к стеклу.

Элизабет уже подумывала о том, чтобы во избежание сцены открыть дверцу, но передумала. Ему необходимо пережить эту фазу.

– А где второй? – прогрохотал Брендан.

– Второй? – Она взяла Люка за руку и попыталась развернуть его спиной к машине. Его голубые глаза жалобно смотрели на нее. Он был не настолько глуп, чтобы закатывать сцену.

– Тот мальчик, что знает про заморский овощ.

– Айвен, – сказал Люк со слезами в голосе.

Элизабет вмешалась в их разговор:

– Айвен не смог сегодня приехать, правда, Люк? Может быть, как-нибудь в другой раз, – быстро сказала она и продолжила, не дожидаясь обсуждения: – Так, мне уже пора ехать на работу, иначе я опоздаю. Люк, хорошо води себя у дедушки, ладно?

Люк неуверенно посмотрел на нее и кивнул.

Элизабет ненавидела себя за этот поступок, но твердо знала, что поступает правильно.

– Езжай. – Брендан махнул в ее сторону терновой тростью, как будто освобождая ее от всех обязательств, и повернулся к дому. Последнее, что она услышала перед тем, как захлопнуть дверцу, был скрип калитки. По пути ей пришлось два раза возвращаться, чтобы пропу-

стить трактор. В зеркало она видела Люка с отцом в саду перед домом, отец возвышался над мальчиком. Она не могла быстро уехать отсюда, как будто что-то тащило ее назад, как волна.

Элизабет вспомнила, как в восемнадцать лет она упивалась свободой, глядя на эту картину. Первый раз в жизни она уезжала из дома с вещами, зная, что не вернется до Рождества. Она ехала в Университет графства Корк, выиграв битву с отцом, но утратив его уважение. Вместо того чтобы разделить ее радость, он отказался проводить дочь в этот знаменательный день. Единственной фигурой, стоявшей у калитки в то ясное августовское утро, была шестилетняя Сирша. Ее рыжие волосы были заплетены в неаккуратные косички, у нее не хватало нескольких зубов, но она широко улыбалась и неистово махала на прощание, переполненная гордостью за свою взрослую сестру.

Когда такси наконец отъехало от дома, разрывая державшую ее там пуповину, вместо облегчения и радости она испытала лишь страх и тревогу. Не из-за того, что ждало ее впереди, а из-за того, что она оставляла. Она не могла вечно быть для Сирши матерью, ей обязательно надо было вылететь из родного гнезда и найти свое место в мире. Отец много лет назад отказался от отцовства и не хотел о нем слышать, но Элизабет надеялась, что, оставшись вдвоем с Сиршей, он вспомнит о своих обязанностях и полюбит младшую дочь, которой никогда не занимался.

А если нет? Через заднее стекло отъезжавшей машины она смотрела на сестру, которую, как ей казалось в тот момент, она больше никогда не увидит, и изо всех сил махала ей рукой, заливаясь слезами. Подпрыгивающая рыжая головка была видна за милю от фермы, и они всё махали и махали друг другу. Что будет делать маленькая Сирша, когда веселье проводов кончится и она поймет, что осталась одна с человеком, который никогда не разговаривал с ней, никогда о ней не заботился и никогда ее не любил? Элизабет чуть не попросила водителя остановить машину, но собралась и велела себе быть сильной. Она должна была жить.

Ты тоже когда-нибудь поступишь как я, маленькая Сирша, говорили ее глаза маленькой фигурке, пока машина отъезжала все дальше. Обещай, что ты поступишь так же. Улетишь подальше отсюда.

Элизабет со слезами на глазах смотрела, как уменьшается ферма в зеркале заднего вида, пока она не исчезла совсем, когда машина доехала до конца дороги длиной в милю. Элизабет сразу же расслабилась и поняла, что все это время задерживала дыхание.

– Ну что, Айвен, – сказала она, глядя в зеркало на пустое заднее сиденье. – Похоже, ты едешь со мной на работу.

И тут она сделала кое-что смешное.

Она захихикала, как ребенок.

Глава седьмая

Когда Элизабет переехала серый каменный мост, служивший въездом в город, Бале-на-Гриде бурлил. На узкой улочке пытались разъехаться два огромных автобуса, заполненных туристами. Элизабет видела, как пассажиры, прикинув к окнам, охают и ахают, улыбаются, куда-то показывают пальцами и подносят фотоаппараты вплотную к стеклу, чтобы снять кукольный городок. Водитель автобуса, ехавшего навстречу Элизабет, сосредоточенно облизывал губы и медленно вел свою огромную машину по тесной улице, изначально предназначенной лишь для лошадей и экипажей, и она видела, как у него на бровях блестят капельки пота. Автобусы практически соприкасались. В этот ранний час сидящий рядом с водителем экскурсовод из всех сил старался развлечь своих слушателей, которых было никак не меньше ста человек.

Элизабет поставила машину на ручной тормоз и громко вздохнула. Такие ситуации случались в городе часто, и она знала, что это может занять немалое время. Она сомневалась, что автобусы остановятся. Разве только для того, чтобы выпустить пассажиров в туалет. Они всегда проезжали через Бале-на-Гриде, но никогда в нем не задерживались. Она их и не винила: город был хорош в качестве перевалочного пункта, но не как место, где можно задержаться надолго. Автобусы замедляли ход, пассажиры смотрели по сторонам, а водители уже решительно жали на газ и везли их дальше.

Дело не в том, что Бале-на-Гриде не был красивым городом, – напротив, как раз был. Три года подряд он выигрывал в конкурсе «Чистый город», чем очень гордились жители, а на мосту при въезде вас встречали выложенные яркими цветами слова приветствия. Цветы были в городе повсюду. Ящики с растениями украшали витрины магазинов, с фонарных столбов свисали корзины с цветами, вдоль главной улицы росли цветущие деревья. Каждый дом имел свой цвет, и главная улица, единственная улица городка, представляла собой радугу пастельных и ярких оттенков зеленого, розового, сиреневого, желтого и голубого. На сверкающих тротуарах не было ни пылинки, а если посмотреть поверх серых шиферных крыш, то можно было увидеть, что город окружен зелеными горами. Как будто Бале-на-Гриде прятался в коконе, укрытом в самом сердце матери-природы.

Здесь человек чувствовал себя уютно. Или задышался.

Офис Элизабет находился между зеленым зданием почты и желтым супермаркетом. Здание было выкрашено в бледно-голубой цвет, на первом этаже располагался магазин штор и обивочных материалов миссис Брэкен. Раньше тут был магазин скобяных товаров, которым заправлял мистер Брэкен, но, когда он умер десять лет назад, Гвен превратила его в царство тканей. Казалось, она принимает решения, основываясь исключительно на том, чего бы хотел ее покойный супруг. Она открыла магазин, «потому что так хотел бы мистер Брэкен». Как бы то ни было, Гвен никуда не ходила по выходным и не участвовала в светских мероприятиях, так как «мистер Брэкен этого бы не хотел». Насколько Элизабет могла понять, то, что нравилось или не нравилось мистеру Брэкену, полностью соответствовало взглядам на жизнь его супруги.

Сантиметр за сантиметром автобусы медленно объезжали друг друга. Образовалась пробка. В конце концов им удалось разъехаться, и Элизабет заметила, как экскурсовод радостно вскочил со своего места с микрофоном в руке и после томительной скуки начал вещать об увлекательном автобусном путешествии по проселочным дорогам Ирландии. Туристы ликовали. В окнах снова засверкали вспышки, и пассажиры обоих автобусов замахали друг другу на прощание.

Элизабет поехала дальше и, взглянув в зеркало заднего вида, увидела, что радость выезжавших из города пассажиров померкла: на маленьком мосту им встретился еще один огром-

ный автобус. Поднятые в прощальном жесте руки медленно опустились, вспышки померкли – туристы приготовились к очередному томительному ожиданию.

Обычная история. Как будто город подстраивал это нарочно. Он с распростертыми объятиями приветствовал вас и показывал все, что мог предложить, все свои ослепительные разноцветные витрины, украшенные цветами. Как будто привели ребенка в кондитерский магазин и показали полки с чудесными сладостями, от одного вида которых начинают течь слюнки. А потом, когда он уже стоит там с бешено колотящимся сердцем и осматривает все восхищенным взглядом, банки поспешно закрывают и туго закручивают крышки. Когда красота города становилась очевидной, очевидным становилось и то, что показать ему больше нечего.

Как ни странно, мост было легче пересечь при въезде. Он поворачивал под таким углом, что выехать из города было довольно сложно. Это каждый раз озадачивало Элизабет.

Как та дорога, которая вела из дома ее отца: оттуда быстро не уедешь. Было в этом городе что-то такое, что всегда тянуло ее назад, и она потратила годы, пытаясь вырваться. В какой-то момент она даже сумела переехать в Нью-Йорк, последовав туда за своим другом и ухватившись за предложение полностью, от начала и до конца, создать интерьер одного ночного клуба. Ей там очень понравилось. Понравилось, что никто не знал ее имени, лица или истории ее семьи. Она могла купить кофе, тысячи разных сортов кофе, и не получить в придачу порцию соболезнований по поводу каких-нибудь недавних семейных неприятностей. Никто не знал, что мать ушла от них, когда она была ребенком, что ее сестра совершенно неуправляема, а отец практически не разговаривает с ней. Ей понравилось чувствовать себя влюбленной среди небоскребов. В Нью-Йорке она могла быть кем хотела. В Бале-на-Гриде она никуда не могла убежать от того, кем была на самом деле.

Она вдруг поняла, что все это время тихонько напевает глупую песенку, которую, как пытался убедить ее Люк, придумал тот самый Айвен. Люк называл ее мурлыкающей песенкой, она была раздражающе приставучей, веселой и незамысловатой. Элизабет перестала петь и припарковала машину на свободном месте у обочины, затем отодвинула водительское кресло и потянулась взять с заднего сиденья портфель. Но прежде всего ей нужно выпить кофе. Бале-на-Гриде еще предстояло познакомиться с чудесами кофеен «Старбакс». Только в прошлом месяце в кафе «У Джо» Элизабет наконец разрешили забирать свой кофе с собой, но хозяину уже явно надоело просить ее каждый раз вернуть чашку.

Порой ей казалось, что всему городу тоже не помешает инъекция кофеина: зимой люди как будто спали на ходу, бродили, не открывая глаз. Встряхнуть бы их всех хорошенько. Но в летние дни, как сегодня, город бурлил, повсюду были люди. Она вошла в выкрашенное в фиолетовый цвет кафе «У Джо», оказавшееся практически пустым. Местные жители еще не усвоили привычку завтракать вне дома.

– А, вот и наша деловая дама, – нараспев пророкотал Джо. – И конечно, безумно хочет кофе.

– Доброе утро, Джо.

Он устроил маленькое представление, посмотрев на часы и постучав пальцем по циферблату:

– Немного опаздываем сегодня, не так ли? – Он вопросительно поднял брови. – Я подумал, может, ты в постели с приступом летнего гриппа. Кажется, на этой неделе все им болеют. – Он пытался понизить голос, но в результате лишь опустил голову и стал говорить громче. – Ведь Салли О’Финн свалилась как раз с летним гриппом сразу после той ночи, когда ушла из паба с П. Дж. Флэнаганом, который заболел им на следующей неделе. Она провела в постели все выходные. – Он фыркнул. – Провожал ее домой, ну конечно. Никогда еще не слышал подобной чуши.

В Элизабет поднималась волна раздражения. Ей не было никакого дела до перебивания косточек незнакомым людям, кроме того, она знала, что на протяжении многих лет основным поводом для сплетен служила ее семья.

– Джо, кофе, пожалуйста, – решительно сказала она, не обращая внимания на его болтовню. – С собой. И добавь не молоко, а сливки, – твердо продолжила она, хотя каждый день брала одно и то же, и начала искать в сумке кошелек, пытаясь таким образом намекнуть Джо, что у нее нет времени на пустые пересуды.

Он медленно направился за стойку. К ужасной досаде Элизабет, у Джо был только один сорт кофе, да и тот растворимый. Ей не хватало разнообразия и оттенков вкуса, к которым она привыкла в других городах: она скучала по мягкому сладковатому кофе с ванилью в парижских кафе, по густому ореховому напитку в шумных кафе Нью-Йорка, по изысканному бархатистому шедевр с маकाдамией в Милане и по ее любимому мокко с кокосом, который мгновенно переносил ее со скамейки в Центральном парке в шезлонг на берегу Карибского моря. А здесь Джо просто наполнил чайник и нажал на кнопку. Один жалкий крохотный чайник на все кафе, и Джо даже не фильтровал воду.

Джо смотрел на нее. Он выглядел так, будто собирался спросить: «Так что же тебя так задержало?»

И спросил.

– Я на *пять минут* позже обычного, Джо, – скептически заметила она.

– Знаю, знаю. А ведь пять минут легко могут превратиться в пять часов. Может, твои часы впали в спячку, как медведь?

Элизабет невольно улыбнулась.

Джо ухмыльнулся и подмигнул:

– Так-то лучше.

Вскипевший чайник выключился, и Джо повернулся к ней спиной, чтобы сделать кофе.

– Автобусы задержали, – мягко сказала Элизабет, беря из рук Джо теплую чашку.

– Да, я видел. – Он кивнул в сторону окна. – Джеймси отлично выкрутился из этой передряги.

– Джеймси? – Элизабет нахмурилась, добавляя еще сливок. Они быстро растворились, наполнив чашку до краев. Джо с отвращением наблюдал за ее действиями.

– Джеймси О'Коннор, сын Джека, – объяснил он. – Джек, чья дочь Мэри на прошлых выходных обручилась с парнем из Дублина. Живет в Мейфэре. Пятеро детей. Младшего на прошлой неделе арестовали за то, что он швырнул в Джозефа бутылкой.

Элизабет, замерев, с недоумением глядела на него.

– Джозеф Макканн, – повторил Джо таким тоном, как будто надо быть сумасшедшей, чтобы не знать этого. – Живет в Ньютауне. Жена умерла в прошлом году – утонула в болоте. Дочь Мэгги утверждает, что это несчастный случай, но семья подозревает, что это могло быть как-то связано с их ссорой, когда мать не дала Мэгги сбежать с тем смутьяном из Кахиркивина.

Элизабет положила деньги на стойку и улыбнулась, не желая участвовать в этом странном разговоре.

– Спасибо, Джо, – сказала она по пути к двери.

– В общем, – закончил он свое сбивчивое повествование, – Джеймси О'Коннор вел этот автобус и великолепно справился. Не забудь, пожалуйста, вернуть чашку! – крикнул он и пробормотал про себя: – Кофе с собой, вы когда-нибудь такое слышали?

Дойдя до двери, Элизабет крикнула:

– Джо, а ты никогда не думал купить кофеварку? Тогда ты бы мог делать латте, капучино и эспрессо вместо этой растворимой жижи. – Она подняла вверх свою чашку.

Джо скрестил руки на груди, облокотился на прилавок и ответил скучающим голосом:

– Элизабет, если тебе не нравится мой кофе, не пей его. Я вот пью чай. Есть только один вид чая, который я люблю. Он называется Чай. Без всяких там выкрутасов.

Элизабет улыбнулась:

– На самом деле существует много разновидностей чая. Китайский...

– Давай иди уже! – Он махнул рукой в сторону двери. – Если бы все было по-твоему, мы бы пили чай с помощью палочек и клали бы в кофе крем с шоколадом, как будто это десерт. Но раз уж ты сама заговорила об этом, я тоже кое-что предложу: почему бы тебе не купить в офис чайник и не избавить меня от этих мучений?

– А заодно и от бизнеса, – улыбнулась Элизабет и вышла на улицу.

Городок потянулся, зевнул и теперь сонно перемещался из кровати в ванную. Вскоре он будет умыт, одет и окончательно проснется. Как обычно, она была на шаг впереди, даже если опаздывала.

Элизабет всегда приходила первой, она любила тишину и покой, царившие в офисе по утрам. Это помогало ей сосредоточиться на том, что предстояло сделать, до прихода коллег и возникновения пробок на дорогах. Элизабет нельзя было назвать смешливой и разговорчивой. Так же, как и с едой, которую она поглощала только для того, чтобы не умереть, она говорила только для того, чтобы сказать то, что хотела. Она не принадлежала к тому типу женщин, чьи разговоры слышала в ресторанах и кафе, хихикавших и сплетничавших о том, что кто-то когда-то кому-то сказал. Попусту молоть языком было ей неинтересно.

Она не анализировала, не разбирала до мельчайших нюансов чужие слова, взгляды и обстоятельства. Для нее не существовало двусмысленности, она всегда имела в виду именно то, что говорила. Дискуссии и жаркие споры не приносили ей удовольствия. Но, сидя в тишине своего маленького кабинета, она понимала, что именно поэтому у нее нет компании, друзей. Когда-то она пыталась их завести, особенно в колледже, когда хотела обрести почву под ногами, но и тогда ей быстро приедалась бессмысленная болтовня.

Она не страдала от отсутствия друзей даже в детстве. Ей нравилось быть наедине с собой, нравилось думать о чем-нибудь в одиночестве, а когда она выросла, ее развлечением стала Сирша. Элизабет и тогда рассчитывала только на себя, гордилась своей организованностью и считала, что распоряжаться своим временем гораздо удобнее одной, чем в компании. Вернувшись из Нью-Йорка, она устроила ужин с соседями у себя дома. Хотела начать новую жизнь, завести друзей, как большинство людей, но Сирша, по своему обыкновению, ворвалась в дом и за пять минут умудрилась оскорбить всех сидящих за столом. Рея Коллинза она обвинила в том, что у него интрижка на стороне, Берни Конвэй, по ее словам, сделала операцию по увеличению груди, а шестидесятилетний Кевин Смит, как она заявила, похотливо смотрел на нее. Следствием бессвязных выкриков Сирши стал плач девятимесячного Люка, покрасневшие лица гостей за столом и сгоревшее каре ягненка.

Конечно, ее соседи не были настолько глупы, чтобы считать, что Элизабет в ответе за поведение сестры, но после того случая она сдалась. Не настолько уж она стремилась к обществу, чтобы мириться с унижительной необходимостью все время что-то объяснять и извиняться.

Молчание она любила куда больше, чем все слова в мире. В нем она находила покой и ясность. Но не по ночам, когда беспорядочные мысли не давали ей заснуть, будто тысяча голосов в ее сознании вдруг принимались говорить наперебой, замолкали, перебивали друг друга, так что ей едва удавалось сомкнуть глаза.

Сейчас ее беспокоило странное поведение Люка. Слишком уж надолго задержался этот Айвен в голове ее племянника. Все выходные она наблюдала за тем, как Люк ходит, разговаривает и играет сам с собой. Он смеялся и хихикал, как будто проживал лучшие моменты своей жизни. Вероятно, надо что-то предпринять. Но рядом не было Эдит, которая справилась бы с этим так же чудесно, как справлялась со всем остальным. Наверно, Элизабет должна сама

знать, как поступить. И снова она столкнулась с неведомыми тайнами материнства, и ей не у кого было спросить совета. И не с кого брать пример. Впрочем, она уже поняла, чего *не надо* делать, и то хорошо. До сих пор она следовала лишь своей интуиции и совершила несколько ошибок, но в целом считала, что справляется и Люк растет воспитанным, спокойным ребенком. Или, может быть, она все делает неправильно? Вдруг Люк кончит как Сирша? Где она так ошиблась, когда Сирша была маленькой, что сделало сестру такой, какая она сейчас? Элизабет застонала и опустила голову на стол.

Она включила компьютер и, пока он загружался, пила кофе маленькими глотками. Она зашла в «Google», набрала «воображаемый друг» и нажала «Поиск». На экране появились ссылки на сотни сайтов. Полчаса спустя она уже гораздо меньше переживала из-за ситуации с Айвеном.

К своему удивлению, она узнала, что воображаемые друзья – явление очень распространенное и не представляет собой проблемы, пока не мешает нормальной жизни. И хотя сам факт наличия воображаемого друга никак не вписывался в нормальную жизнь, это, по мнению врачей из Интернета, не являлось проблемой. Чуть ли не на каждом сайте ей советовали почаще спрашивать у Люка, что сказал или сделал Айвен, – только так можно выяснить, что творится в голове у самого мальчика. Это помогло Элизабет принять решение накрывать отныне стол не только для себя и Люка, но и для их фантомного гостя и не указывать без конца племяннику на то, что его друг существует только в его мыслях. Она с облегчением узнала, что воображаемые друзья – признак творческого склада ума, а не мучительного одиночества или стресса.

Но Элизабет все равно не могла это принять. Это противоречило всем ее убеждениям. Ее мир и мир фантазий лежали в разных плоскостях, и притворяться ей было очень сложно. Она не умела сюсюкать, не умела изображать, будто прячется, закрыв ладонями лицо, или соглашаться с тем, что плюшевый мишка действительно умеет разговаривать. В колледже она не могла даже читать тексты по ролям. Она выросла, зная, что нельзя витать в облаках, как мать, иначе попадет от отца. Это привили ей в раннем детстве, а теперь эксперты в Интернете убеждали ее, что все надо изменить.

Она допила остатки холодного кофе и прочла последнюю строчку на экране:

Воображаемые друзья исчезают в течение трех месяцев, вне зависимости от того, способны вы этому или нет.

Через три месяца она будет счастлива проводить Айвена и вернуться к нормальной жизни. Она пролистала календарь и обвела август красным фломастером. Если к тому времени Айвен не покинет ее дом, она откроет дверь и сама покажет ему дорогу.

Глава восьмая

Айвен, смеясь, крутился на черном кожаном кресле за столом в приемной Элизабет. Он слышал, как она в другой комнате разговаривает по телефону и назначает встречу своим скучным взрослым голосом. Но как только она повесила трубку, он услышал, что она опять напевает ту самую песенку. Он засмеялся про себя. Песенка была ужасно привязчивой, и если мелодия запала вам в голову, избавиться от нее уже практически невозможно.

Он все быстрее и быстрее крутился в кресле, делая пируэты на колесиках, пока его не начало мутить. Он решил, что крутиться в кресле – его самое любимое занятие. Он знал, что Люку очень понравилась бы такая игра, и, вспоминая грустное маленькое личико, прижатое к окну машины, он задумался, и кресло замедлило ход. Айвен очень хотел съездить в гости на ферму, а дедушке Люка явно не повредило бы немного веселья. В этом они с Элизабет были похожи. Два скучных старых йынчукса.

В любом случае расставание с Люком дало Айвену возможность понаблюдать за Элизабет, чтобы потом написать о ней отчет. Через несколько дней будет собрание, и для своей команды он должен сделать доклад о том, с кем в данный момент работает. Они все время так делали.

Если за несколько дней он окончательно убедится, что она не видит его, он снова сможет сосредоточиться на Люке. Может быть, несмотря на свой многолетний опыт, он что-то упустил, общаясь с ним.

У Айвена закружилась голова, и он поставил ногу на пол, чтобы остановиться. Он решил выпрыгнуть из крутящегося кресла, как будто это движущаяся машина. Он эффектно покатился по полу, как делают актеры в кино, и, посмотрев вверх, увидел девочку-подростка, стоявшую перед ним с открытым ртом и наблюдавшую за тем, как кресло вертится само по себе.

Она оглядела офис, пытаясь выяснить, есть ли там кто-нибудь еще. Нахмурившись, направилась к столу, как будто шла по минному полю, и тихо, словно боясь потревожить кресло, положила на стол сумку. Затем посмотрела, не следит ли кто за ней, и на цыпочках приблизилась к креслу, чтобы как следует рассмотреть его, выставив при этом руки вперед, будто пыталась приручить дикого скакуна.

Айвен захихикал.

Увидев, что все в порядке, Бекка в недоумении почесала в затылке. Может быть, Элизабет встала с кресла прямо перед ее приходом? Она ухмыльнулась, представив себе, как Элизабет, словно маленькая девочка, крутится на кресле, с убранными в тугий пучок волосами, в одном из своих строгих черных костюмов, с болтающимися в воздухе ногами. Нет, эта картинка была совершенно нереальной. В мире Элизабет кресла служили только для того, чтобы на них сидеть. И, воспользовавшись своим по назначению, Бекка немедленно приступила к работе.

– Всем доброе утро, – раздался из дверей пронзительный голос. В комнату впорхнула Поппи с фиолетовыми волосами; на ней были широкие джинсы с вышитыми цветами, туфли на платформе и цветастая футболка. Как обычно, каждый миллиметр ее тела был покрыт какой-нибудь краской.

– Хорошо ли прошли выходные? – Она всегда пропевала фразы и ходила по комнате, пританцовывая и размахивая руками со слоновьей грацией.

Бекка кивнула.

– Чудесно. – Поппи, подбоченившись, встала перед Беккой. – Что ты делала на выходных, Бекка? Вступила в дискуссионный клуб? Ходила на свидание и до смерти надоела своей болтовней какому-нибудь парню, а?

Бекка перевернула страницу книги, которую читала, не обращая на нее никакого внимания.

– Ничего себе, здорово, звучит потрясающе! Знаешь, мне так нравится дружелюбная атмосфера нашего офиса.

Бекка перевернула страницу.

– Да что ты? Наверное, пока с меня достаточно новостей, если ты не против. Что за... – Она отпрянула от стола Бекки и замолчала.

Бекка не отрывала взгляда от книжки.

– Оно так делает с самого утра, – тихо сказала она скучающим тоном.

Теперь настала очередь Поппи замолчать.

В офисе на несколько минут воцарилась тишина, при этом Бекка продолжала читать, а Поппи, не отрываясь, смотрела в пространство перед собой. Элизабет заметила, что ее сотрудницы надолго замолчали, и выглянула из-за двери.

– У вас все хорошо, девочки? – спросила она.

Таинственный скрип был ей единственным ответом.

– Поппи?

Не поворачивая головы, она ответила:

– Кресло.

Элизабет вышла из своего кабинета и посмотрела в ту же сторону. Стоящее за столом Поппи кресло, все забрызганное краской, от которого Элизабет уже много месяцев уговаривала ее избавиться, с громким скрипом вертелось вокруг своей оси. Тем временем Бекка продолжала невозмутимо читать книгу, как будто это была самая нормальная вещь в мире.

Поппи издала нервный смешок. Они с Элизабет подошли ближе, чтобы выяснить, в чем дело.

– Бекка, – Элизабет еле сдерживала смех, – ты это видела?

Бекка так и не подняла глаз от страницы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.